Оттискъ изъ „Вѣстникъ Зап. Россіи," кн. 7.

О ЗНАЧЕНІИ СМОЛЕНСКА ВЪ ИСТОРІИ РОССІИ ДО НАШЕСТВІЯ ТАТАРЪ.

Источники для первоначальной исторіи Смоленска очень скудны; въ русскихъ лѣтописяхъ до половины XII вѣка, т. е. въ теченіи двухъ столѣтій отъ начала русской исторіи, едва встрѣчаются два три извѣстія, въ которыхъ упоминается имя Смоленска. Что касается до другихъ памятниковъ письменности древне-русской и иноземной, изъ которыхъ можно бы позаимствовать свѣденія объ этомъ предметѣ, въ дополненіе къ немногимъ отрывочнымъ извѣстіямъ русскихъ лѣтописей, эти памятники утрачены почти всѣ для нашего времени, преимущественно отъ пожаровъ и въ особенности во время борьбы съ литовцами, поляками и татарами [1]. Поэтому и фактовъ для первоначальной исторіи Смоленска очень мало. Между тѣмъ какъ другіе области бывали сценою почти постоянной борьбы внутренней и внѣшней, Смоленская область оставалась по большей части спокойною и отъ княжескихъ усобицъ, занимающихъ столь видное мѣсто въ древней русской исторіи, и отъ борьбы внутреннихъ началъ, отъ неугомоннаго броженія общества, какое мы видимъ наприм. въ исторіи Новгорода, Полоцкаго княжства и друг. Такъ, отъ 1058 до 1228 года на смоленское княжество падаетъ только шесть княжескихъ усобицъ, между тѣмъ, какъ кіевское княжество испытало ихъ за это время 23, новгородское 12, волынское 15, полоцкое 18, черниговское около 20, суздальское 11-ть, [2]. Другія русскія

---

1) Предисловіе къ русско-ливонскимъ актамъ (Russisch-Livländische Urkunden) СПБ.

2) Ист. Россіи. Солов. III, 42.

области: кіевская, черниговская, переяславская ведутъ упорную и непрерывную борьбу съ иногородцами, то съ печенѣгами, то съ половцами; волынская, туровская, полоцкая и новгородская обороняются отъ Литвы и Чуди [1]). Смоленскъ не знаетъ и этой борьбы, по крайней мѣрѣ, до XII вѣка, когда онъ принужденъ былъ обороняться отъ напора литовцевъ на русскія области. И относительно фактовъ внутренней жизни исторія Смоленска представляетъ также не много данныхъ для изслѣдованія, особенно по нѣкоторымъ очень важнымъ сторонамъ ея. Такъ, не сохранилось извѣстій о томъ, какъ насаждаемо было христіанство въ этой области; даже вопросъ объ отношеніи власти князя къ народной, или къ власти вѣча, обставленъ очень немногими фактами. Смоленское вѣче не имѣло того буйнаго, неугомоннаго характера, какимъ отличались вѣча сосѣдственныхъ съ нимъ областей, новгородской и полоцкой. Занятія княжескаго стола въ Смоленскѣ обыкновенно обходилось безъ враждебныхъ столкновеній съ вѣчемъ и по большей части преемственно переходило отъ отца къ сыну или къ ближайшему родственнику.

Смоленскъ выступаетъ своею отдѣльною исторіею уже очень поздно; до 1054 года онъ не былъ особымъ княжествомъ. Но и послѣ 1054 г. смоленское княжество чуждо, по видимому, какихъ либо особенныхъ, мѣстныхъ интересовъ. Только со времени Ростислава Мстиславича, съ тридцатыхъ годовъ 12-го столѣтія, смоленское княжество пріобрѣтаетъ прочное и (частію) независимое положеніе въ политической системѣ Россіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, съ этого времени Смоленскъ пріобрѣтаетъ очень замѣтное вліяніе на ходъ политическихъ дѣлъ въ Россіи: съ этого времени обозначаются и особенные мѣстные интересы этого княжества и начинаетъ уясняться та задача, какую исторія навязала для него. Время Ростислава, такимъ обамзомъ, было эпохою въ исторіи смоленскаго княжества, съ которой начинается его процвѣтаніе и политическое могущество.

Но время же Ростислава Мстиславича было тѣмъ временемъ, которое подготовило основы будущаго ослабленія и упадка политической и гражданской силы смоленскаго княжества

---

1) Тамъ же стр. 43.

(конечно помимо воли этого князя). Мы разумѣемъ, во 1-хъ усиленіе Литвы, которая начинаетъ выдвигаться изъ среды собственно русскаго населенія въ западномъ краѣ къ концу 12-го вѣка, вмѣстѣ съ ослабленіемъ полоцкихъ князей. Походы Мстислава Великаго, кіевскаго князя, вывели полоцкую землю изъ того отчужденія, въ которомъ она была въ прежнее время, и поставили ее въ зависимость отъ русскихъ князей, потомковъ Ярослава I. Вмѣстѣ съ этимъ полоцкіе князья поступаютъ подъ опеку смоленскихъ князей. Такимъ образомъ, придвигается ближе къ западнымъ окраинамъ Россіи и становится въ болѣе непосредственныя отношенія къ тамошнимъ иногородцамъ. Въ 1171 году, смоленское княжество въ первый разъ испытало нападеніе литовцевъ, и эти нападенія, съ теченіемъ времени, становятся все чаще и враждебнѣе. Во вторыхъ, въ княженіе же въ Смоленскѣ Ростислава случилось событіе, которое имѣло огромное вліяніе на послѣдующую исторію западной Россіи: это—прибытіе въ полоцкія владѣнія нѣмцевъ, которые утвердились при устьяхъ западной Двины и основали съ прибытіемъ рыцарскаго войска, особое независимое владѣніе, и ливонскій орденъ, который скоро вступилъ во враждебныя отношенія къ своимъ сосѣдямъ и сталъ отнимать земли, бывшія до того времени въ русскомъ владѣніи.

Время Ростислава Мстиславича, т. е. половина 12-го столѣтія, совпадаетъ съ началомъ великой борьбы, которая составляетъ главное явленіе тогдашней исторіи до татарскаго нашествія: это борьба двухъ половинъ Россіи, днѣпровской и сѣверовосточной Руси, за первенство, или борьба старыхъ вѣчевыхъ порядковъ съ принципомъ самодержавія въ русской землѣ. Смоленская область съ самаго начала принимаетъ дѣятельное участіе въ борьбѣ, а подъ конецъ всѣ фазисы этой великой исторической драмы связываются съ именемъ Смоленска и его князей, знаменитыхъ Мстиславовъ. Борьба эта озарила на время яркимъ блескомъ исторію Смоленска и приковала къ нему вниманіе всей Россіи (что можно видѣть изъ характера лѣтописей того времени); но въ сущности Смоленскъ столь же мало получилъ отъ того существенныхъ выгодъ, какъ и всѣ другія русскія области, стоявшіе за старые принципы,

и въ концѣ концевъ онъ вынесъ изъ нея только ослабленіе своего политическаго могущества и матеріальное раззореніе.

Въ исторіи первоначальныхъ обществъ вліяпія внѣшней природы, физическія вліянія, имѣютъ весьма большое значеніе; поэтому мы скажемъ сначала о географическомъ положеніи и природѣ смоленской области, потомъ перейдемъ къ очертанію внутренняго строя жизни ея и наконецъ въ общихъ чертахъ раскроемъ политическую исторію смоленскаго княжества и покажемъ значеніе его въ русской исторіи. Мы думаемъ, что изображеніе внутренняго состоянія общества должно предшествовать внѣшней исторіи, потому что внѣшняя исторія обществъ держится на бытовыхъ и гражданскихъ учрежденіяхъ, какъ на своемъ основаніи, и можетъ быть объясняема изъ нихъ, хотя съ другой стороны и событія внѣшней исторіи также имѣютъ большое вліяніе на внутреннюю организацію и бытъ обществъ.

Природа смоленской области была не богата естественными произведеніями и не представляла большихъ удобствъ для земледѣлія, а еще менѣе для скотоводства.

Составляя сѣверозападную границу черноземной или хлѣбородной полосы Россіи, нынѣшняя Смоленская губернія производитъ хлѣбъ въ степени, едва удовлетворяющей ежегодной потребности туземнаго земледѣльца [1]). Но за то здѣсь лежали обширные и во многихъ мѣстахъ дремучіе лѣса [2]), и множество рѣкъ и озеръ. Природа, скудно надѣлившая смоленскаго жителя предметами естественнаго производства, указала исходъ для его дѣятельности въ свойствѣ страны, обильной водами. Множество рѣкъ большихъ и малыхъ изрѣзывая мѣстность

---

1) „Матеріалы для географіи и статистики Россіи". Смоленская губернія. Спб. 1862 г. стр. 120. Для средняго урожая въ губерніи, въ одинадцатилѣтней сложности, получаются слѣдующія приблизительныя цифры: озимаго—самъ 2, 46, яроваго 2,20, картофеля—2, 53. Что касается до пространства луговъ, то на пять десятинъ пахатной земли приходится только десятина луговой. Ibid. p. 193 и 203.

2) На обиліе лѣсовъ въ смоленской области указываетъ между прочимъ и самое имя Смоленска, нѣкоторыми, кажется, основательно производимое отъ слова „смола". Никитинъ въ „исторіи Смоленска" М. 1848 г.).

во всѣхъ направленіяхъ и образуя всѣ вмѣстѣ для смоленской области узелъ водяныхъ сообщеній, могли служить превосходными проводниками промышленности во всѣ концы Россіи. Съ сѣвера и юга это былъ великій водный путь изъ Варягъ въ Греки и отъ Чернаго моря къ Балтійскому, самый древній историческій и торговый путь въ Россіи. Онъ захватывалъ весьма значительную часть смоленскихъ владѣній—волокъ между рр. Ловатью и Торопою, гдѣ стоялъ смоленскій пригородъ Торопецъ, пограничный съ новгородскою землею (послѣ Торопецъ сталъ особеннымъ удѣломъ смоленскаго княжества; здѣсь княжилъ знаменитый герой русской земли, Мстиславъ Мстиславичъ Удалой), верхнее теченіе западной двины, волокъ между этою послѣднею и Днѣпромъ и значительное протяженіе по Днѣпру. Съ востока смоленскія владѣнія непосредственно примыкали къ области верхней Волги и этимъ путемъ соединялись съ низовою, съ Камскою Волгаріею и съ Хозаріею 1); Смоленскъ былъ на пути изъ по-волжской стороны въ Кіевъ [2]). Западная Двина, верхнее теченіе которой принадлежало смоленской облати, непосредственно соединяла Смоленскъ съ Балтійскимъ моремъ и съ западною Европою чрезъ земли полочанъ и латышскихъ и финскихъ инородцевъ. Такимъ образомъ „Смоленскъ можно назвать средоточіемъ или перекресткомъ древнихъ путей Россіи [3]); смоленская область была открыта со всѣхъ сторонъ для торговыхъ и промышленныхъ движеній и давала ея жителямъ превосходныя средства для этихъ занятій. Естественно поэтому, что Смоленскъ съ самаго начала долженъ былъ выдвинуться на поприще торговой дѣятельности.

Для ознакомленія съ характеромъ и размѣрами смоленской торговли мы имѣемъ весьма важный документъ, правда, довольно поздняго происхожденія: это договоръ смоленскаго князя, Мстислава Давыдовича съ Ригою и Готландомъ. Онъ относится къ концу разсматриваемаго времени (къ 1229 г.); но въ

---

1) Другой путь на Волгу изъ Смоленской области представлялся рѣками Москвою и Протвою, изъ которыхъ можно было пробраться въ Оку, а изъ Оки въ Волгу.

2) „Пути сообщенія въ древней Россіи". Ст. Ходаковскаго въ историческ. сборникѣ Погодина. т. 1. к. 1. стр. 16.

3) Ibid.

немъ же, какъ увидимъ, заключаются указанія и на то, что торговля въ Смоленскѣ существовала гораздо ранѣе первой половины тринадцатаго столѣтія. Считаемъ нужнымъ высказать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній по поводу этого памятника [1]).

О договорѣ Смоленска съ нѣмецкими городами высказано было Карамзинымъ [2]), со словъ нѣмецкихъ лѣтописцевъ, мнѣніе, что онъ весьма благопріятенъ для ливонскихъ купцевъ и, разумѣется, не сталъ выгоденъ для русскихъ купцевъ.

Намъ кажется, что это мнѣніе не вполнѣ правдиво; въ договорѣ повсюду соблюдается одна правда какъ для нѣмцевъ, такъ и для русскихъ.

Подъ каждою статьею находится приписка: „тая же правда узяти русинуу Ризѣ и на Гочкомъ берегѣ“ или тако дѣлати Русину у Ризѣ и на Гочкомъ берегѣ“ и под. [3]).

Договоръ Мстислава важенъ не только какъ памятникъ торговаго значенія Смоленска; онъ столько же, если не болѣе, важенъ по многимъ указаніямъ на внутреннее состояніе тогдашняго русскаго общества и, въ частности, на внутреннее устройство смоленской области. Это памятиикъ на половину юридическій, подобно „Русской Правдѣ“. Такое обстоятельство показываетъ что въ древней Руси тоговля способствовала не только матеріальному благосостоянію края, но и гражданскому и нравственному развитію общества [4]).

---

1) Договоръ Мстислава заключенъ былъ въ 1229 году. Недавно по поводу изданія русско-ливонскихъ актовъ, отъискано и напечатано 6 различныхъ редакцій этого договора, не считая той, которая находится у Карамзина (т. III, прим. 248) и также присовокуплена къ собранію актвъ. Списки эти въ сущности сходятся между собою и всѣ могутъ быть сведены къ двумъ нѣсколько различнымъ редакціямъ. Мы будемъ пользоваться списками договора, помѣщенными въ собраніи русско-ливонскихъ актовъ (стр. 420, 447).

2) Ист. Гос. Рос. III, 129 изд. Эйнерлинга.

3) Только подъ двумя статьями нѣтъ этой приписки (§ 15 и 26 по тексту А.). Въ одной говорится о присылкѣ тіуномъ людей для перевоза товаровъ чрезъ волокъ,а въ другой,—о подаркахъ тіуну и княгинѣ.

4) Въ какой степени въ составленіи этого договора участвовало нѣмецкое вліяніе? Кажется обѣ стороны—нѣмецкая и русская—имѣли здѣсь равныя силы. По крайней мѣрѣ, изъ самаго

Поводомъ къ заключенію договора 1229 года было, какъ объяснено въ немъ самомъ, „разлюбье межи Смольняны и Нѣмцы“; поэтому онъ заключенъ былъ въ видахъ устраненія всевозможныхъ случаевъ ко враждебнымъ столкновеніямъ между заинтересованными сторонами: „ажъ бы миръ й былъ до вѣка; урядили пакы миръ како было любо Руси и всему латиньскому языку, ажъ бы всякій нальзлъ правду; ажбы промежи наю бои былъ, а любо человѣка убиютъ до смерти, то отплатити ажбы миръ не разрушенъ былъ“.

Вотъ въ главныхъ чертахъ самое содержаніе Мстиславова договора:

1) Постановленіе о наказаніяхъ за преступленія, какъ-то: за убійство, увѣчье и побои, за обезчещеніе женщинъ, за самоуправство и воровство:

Постановленія относительно суда и расправы, какъ-то: относительно ареста или заключенія въ темницу подъ стражу, взысканія долговъ, свидѣтелей въ судѣ; относительно не вмѣшательства мѣстныхъ судебныхъ властей въ дѣла ссорящихся

памятника преобладающаго вліянія нѣмцевъ не видно. Въ двухъ редакціяхъ договора (по тексту Д и Е) находится приписка, которою выговариваются привиллегіи нѣмецкому двору въ Смоленскѣ, наприм. освобожденіе отъ посольскаго постоя; но эта статья очевидно не внесена была въ подлинный текстъ договора; подъ нею нѣтъ и обычной приписки: „тая же правда русину“ и проч. Напротивъ въ договорѣ Мстислава ясно видно вліяніе русское. Извѣстно, что въ старину у мѣмцевъ было въ обычаѣ, по крайней мѣрѣ въ сношеніяхъ съ Новгородомъ, составлять договоры отъ лица русскихъ, а потомъ предлагать имъ на утвержденіе (Костомар. „сѣверно-рус. народоправства“. 11. 185). Но въ настоящемъ случаѣ инициатива договора принадлежала собственно русскимъ. Въ грамотѣ прямо сказано: „уздумалъ князь смоленскій Мстиславъ, Давыдовъ сынъ, прислалъ въ Ригу своего лучшаго попа Ермея й съ нимъ умна мужа Пантелья изъ своего города Смоленска твердити миръ“. Множество постановленій весьма сходныхъ съ постановленіями Русской Правды, еще болѣе убѣждаютъ въ томъ. Конечно это не значитъ, что нѣмцы въ ущербъ себѣ приняли нѣкоторыя договорныя статьи: договоръ былъ разсматриваемъ и безъ сомнѣнія подвергался измѣненіямъ въ Ригѣ, а потомъ на Готландѣ (о чемъ между прочимъ свидѣтельствуютъ и различныя редакціи памятника) и утвержденъ только послѣ строгаго соглашенія интерсовъ той и другой стороны.

иноземцевъ и проч. Здѣсь же излагаются различныя привиллегіи и права купцовъ въ дѣлахъ судныхъ, напр. освобожденіе отъ судныхъ пошлинъ (развѣ добрые и нарочитые люди присовѣтуютъ заплатить что нибудь судьѣ), призваніе только на судъ мѣстнаго князя, наложеніе ареста или взятіе подъ стражу только послѣ доклада о томъ купеческому старостѣ и проч. Вообще купцамъ по договору, даются очень важныя права; это показываетъ, какъ тогдашнее русское общество высоко ставило развитіе торговой промышленности и какъ оно старалось всѣми мѣрами содѣйствовать процвѣтанію торговли, заохочивая людей торговыхъ къ дѣятельности многими важными привиллегіями. Уже въ Русской Правдѣ встрѣчаемъ постановленія, выгодныя особенно для купцевъ, какъ напр.: только купецъ можетъ занимать деньги для торговыхъ оборотовъ, не поставляя свидѣтелей займа, какъ бывало въ обыкновенныхъ случаяхъ. Кромѣ того Правда различаетъ обанкротившихся не по своей винѣ и, такъ называемыхъ нынѣ злостныхъ банкротовъ,— и первыхъ принимаетъ подъ свою защиту; долгъ получаютъ сначала иностранные купцы, а потомъ уже русскіе,—такое постановленіе, которое очевидно клонится къ тому, чтобы заманивать чужеземныхъ купцевъ въ русскую землю 1). По договору Мстислава, иностранные купцы въ Россіи и русскіе за границею пользуются еще большею личною свободою и неотъемлемостію собственности. Мы уже упоминали о томъ, что купца нельзя заключить въ темницу и нельзя приставить къ нему дѣтскаго княжаго безъ предварительнаго сношенія съ купеческимъ старостой. Купца не должно также принуждать итти на войну съ княземъ, если онъ самъ того не пожелаетъ. Иностранные купцы судятся своимъ судомъ въ случаяхъ взаимной между собою распри, и русскимъ судьямъ до этого нѣтъ дѣла. Если русскій свяжетъ безъ вины нѣмца, или на оборотъ—нѣмецъ русскаго, то виновный платитъ пеню за безчестіе, и проч. Относительно собственности такія же строгія и точныя опредѣленія. Умеръ должникъ,—долгъ уплачиваетъ наслѣдовавшій его имѣніе; попавшій подъ опалу князя отплачивается княземъ, который потомъ можетъ дѣлать съ своимъ человѣкомъ, что хочетъ (можетъ охолопить его со всѣмъ

1) Карамз. ист. Г. Рос. 1. 33.

семействомъ). Если должникъ отказывается уплатить долгъ, то заимодавецъ идетъ къ тіуну и проситъ у него дѣтскаго; если дѣтскій въ теченіе 8 дней не успѣетъ выправить долга, то должникъ обязанъ представить за себя поручителей. Если купеческое общество не хочетъ выдать товарища, то оно уплачиваетъ долгъ сообща. Точно также весьма важны собственно торговыя привиллегіи купцевъ.

Въ статьяхъ о торговлѣ можно различать три рода постановленій: а) о торговыхъ путяхъ и о передвиженіи по нимъ товаровъ, б) собственно о торговлѣ, или о производствѣ торговъ и в) о торговыхъ или о вѣсовыхъ пошлинахъ и о вѣсѣ.

Относительно перваго договаривающіяся стороны установляютъ свободный проѣздъ по Двинѣ—по берегу и по водѣ—для всѣхъ купеческихъ судовъ (для тѣхъ, кто правый купецъ) и на всемъ протяженіи отъ Смоленска до Готланда въ другіе нѣмецкіе города (до Травны), равно какъ изъ Смоленска въ другіе русскіе города. Съ обѣихъ сторонъ не платятъ дорожныхъ пошлинъ, когда ѣдутъ не по своей землѣ. Если случится, что купеческое судно потонетъ или разобьется, то хозяину предоставляется полная безопастность и свобода управляться съ своими товарами на мѣстѣ, а въ случаѣ нужды приманять рабочихъ изъ мѣстныхъ жителей, по условленной цѣнѣ. Когда нѣмецкій купецъ пріѣзжаетъ на двинскій волокъ, то волочскій тіунъ немедленно высылаетъ людей для перевоза товаровъ чрезъ волокъ. Въ случаѣ прибытія къ волоку нѣсколькихъ купцевъ одновременно, они кидаютъ жребій о томъ, чей товаръ прежде отвозить къ Смоленску; но иностранные купцы во всякомъ случаѣ ѣдутъ впереди русскихъ купцевъ (таже правда соблюдается для русскаго въ нѣмецкой землѣ). Если при перевозкѣ товаровъ чрезъ волокъ случится пропажа, то за утраченный товаръ платитъ вся община волочскихъ перевощиковъ: постановленіе весьма важное въ томъ отношеніи, что оно показываетъ, что общинное начало глубоко проникло въ строй смоленской жизни.

Торговля производится свободно, безъ всякихъ задержекъ, въ Смоленскѣ и въ другихъ русскихъ городахъ, въ Ригѣ и на о-вѣ Готландѣ и въ другихъ нѣмецкихъ городахъ, поименованныхъ въ договорѣ. Если русскій купилъ товаръ у нѣмца и отвезъ его къ себѣ на дворъ, то не можетъ отдать его назадъ,

а долженъ заплатить за товаръ деньги; такъ же и нѣмецъ неможетъ принудить русскато купленный нѣмцемъ товаръ взять обратно.

Торговыя пошлины платили у насъ въ древности не продавцы, а покупатели. По договору полагается: за двѣ капи (24 пуда) платить вѣсовыхъ денегъ куну смоленскую, 1) за гривну купленнаго золота—ногату, за гривну серебра—двѣ векши, за серебряный сосудъ отъ гривны—куну и т. д. Для повѣрки вѣсовъ одна капь хранится въ русской церкви Богоматери на горѣ, а другая въ нѣмецкой церкви въ Смоленскѣ; съ этимъ вѣсомъ должны и жители волока свѣрять пудъ, данный имъ отъ нѣмцевъ.

Торговля смоленская была очень обширна: въ ней участвовали, кромѣ Смоленска, другіе русскіе города—какіе, въ договорѣ не упомянуто,—и кромѣ Риги и Готланда, многіе германскіе города, именно: Любекъ, Данцигъ, Мюнстеръ, Грининигенъ, Дортмундъ, Бременъ. Изъ всѣхъ этихъ городовъ ѣздили купцы въ Смоленскъ и смоленскіе купцы бывали въ нѣмецкой землѣ.

Само собою разумѣется, что, по обширности торговыхъ оборотовъ, Смоленскъ нельзя поставить на ряду съ древнѣйшими торговыми пунктами въ Россіи, Новгородомъ и Кіевомъ, изъ которыхъ одинъ служилъ центромъ ганзейской и вообще западноевропейской торговли, а другой—греческой; но вслѣдъ за ними Смоленску безъ сомнѣнія принадлежитъ самое видное мѣсто между торговыми мѣстностями въ древней Руси. Что смоленская торговля существовала гораздо ранѣе того времени, къ которому относится разсмотрѣнный нами памятникъ, на это находимъ доказательства въ немъ самомъ. Умѣнье, съ какимъ составлены и изложены договорныя статьи, показываетъ большую опытность и навыкъ въ торговыхъ сношеніяхъ—то, что можно бы назвать торговымъ тактомъ. Здѣсь все предусмотрѣно, что могло бы послужить ко взаимнымъ недоразумѣніямъ и распрямъ, и приняты

---

1) Здѣсь замѣтимъ, что денежная система въ Смоленскѣ была отлична и отъ кіевской и отъ новгородской (Погод. „Изслѣдов. и лекціи." Т. VII, стр. 343). Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ въ нѣкоторой степени о самостоятельномъ значеніи Смоленска въ финансовомъ отношеніи, т. е. что экономическое развитіе Смоленской области шло своими особенными путями.

самыя строгія и точныя опредѣленія во избѣжаніе этого; притомъ многія статьи договора свидѣтельствуютъ о частыхъ и давнихъ сношеніяхъ договаривающихся сторонъ, потому что обнаруживаютъ знаніе мѣстныхъ обычаевъ и постановленій. Вотъ примѣры на то и на другое: въ грамотѣ назначается пеня за оскорбленіе женщины; но этого мало: тутъ же установляется различіе между такою женщиною, которая до сихъ поръ жила честно, и такою, которая жила нечестно, и сообразно съ этими опредѣляется не одинаковая пеня за оскорбленіе. Или другой примѣръ: въѣхавъ въ городъ, нѣмецкій гость даритъ княгинѣ кусокъ полотна, а волочскому тіуну готскія перчатки. Это очевидно русскій обычай подарковъ, и ему также отведено мѣсто въ договорныхъ статьяхъ: надобно полагать, судя по этому, что нѣмцы на мѣстѣ ознакомились съ русскими обычаями и хорошо понимали значеніе ихъ. Но кромѣ того есть и другія указанія на давнія торговыя сношенія нѣмцевъ съ Смоленскомъ въ той же грамотѣ. Изъ нея мы узнаемъ, что въ Смоленскѣ въ это время существовала своя нѣмецкая церковь, въ которой хранились нѣмецкіе вѣсы; были даже особые нѣмецкіе дворы; наконецъ была особая нѣмецкая контора, подобная той, какая существовала въ Новгородѣ (и независимая отъ новгородской конторы): „а что немѣчкыхъ дворовъ и дворищъ у Смоленьскѣ куплѣныхъ и церкве ихъ,—сказано въ припискѣ къ договору,—не надобѣ никомужѣ.“ Но къ этому предмету мы возвратимся послѣ.

Мы уже сказали, что договоръ смоленскаго князя съ нѣмецкими городами не есть только торговый трактатъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и юридическій памятникъ: это сборникъ разныхъ постановленій, подобно Русской Правдѣ, о судѣ и расправѣ, о привилегіяхъ, правахъ и повинностяхъ купеческаго сословія, такъ что этимъ путемъ можно видѣть, какъ общіе законы страны видоизмѣнялись сообразно съ мѣстными потребностями. Разсматривая мстиславову грамоту съ этой стороны, мы должны признать для смоленской области значительную степень прогресса, сравнительно съ временемъ Ярославова законодательства. Такъ смертная казнь, или право родственниковъ мстить смертію убійцѣ, замѣняется, по договору 1229 г., вообще денежною пенею; далѣе—встрѣчаются болѣе строгія и точныя опредѣленія относительно

личной свободы и безопасности, на прим. связавшій безъ вины другаго платитъ за это гривну серебра. Въ грамотѣ находимъ нѣкоторыя новыя узаконенія, которыя служатъ характеристическимъ оттѣнкомъ своего времени: посолъ и священникъ приравниваются въ договорныхъ статьяхъ съ княжескимъ дружинникомъ; за нихъ берется удвоенная пеня. Наконецъ включается въ законоположенія совершенно новая статья, неизвѣстная Русской Правдѣ,—объ оскорбленіи женщинъ. Нельзя конечно не признать въ этомъ случаѣ нѣмецкаго вліянія на русскіе нравы и законы; но очевидно здѣсь это вліяніе было благотворно, и въ свою очередь такіе торговыя пункты, какъ Смоленскъ, должны были оказывать не менѣе полезное вліяніе на другія мѣстности Россіи и вообще на развитіе русской цивилизаціи.

Такой же почти порядокъ сношеній русскихъ съ нѣмцами, какой значится въ мстиславовой грамотѣ, мы находимъ въ договорѣ Новгорода съ нѣмцами, около 1199 г. 1) Но еще яснѣе излагается одинаковость отношеній къ нѣмцамъ въ Новгородѣ съ отношеніями въ Смоленскѣ въ проектѣ договора нѣмцевъ съ новгородцами, писанномъ около 1230 года. Во-первыхъ, относительно суда: ежели новгородецъ и нѣмецъ имѣютъ тяжбу другъ съ другомъ, то должны представить двухъ свидѣтелей нѣмцевъ и двухъ новгородцевъ (какъ и въ договорѣ 1229 г., гдѣ требуются свидѣтели также съ обѣихъ сторонъ); а ежели новгородецъ и нѣмецъ не согласны въ свидѣтеляхъ, то дѣло рѣшается жребіемъ. Во 2-хъ о долгахъ: прежде должно платить нѣмцу, а послѣ того уже новгородцу. Въ 3-хъ о торговлѣ: торговля свободная въ новгородскихъ земляхъ и въ Новгородѣ на нѣмецкомъ дворѣ какъ для русскихъ, такъ и для нѣмцевъ; вѣсы нѣмецкаго двора повѣряются два раза въ годъ. Въ 4-хъ, о проѣздѣ нѣмецкихъ гостей съ товарами по новгородской землѣ постановляется: когда нѣмецкіе гости будутъ на Ижорѣ, то тамошній тіунъ высылаетъ имъ проводниковъ, за что перевощикамъ дается кунами опредѣленная плата. Въ случаѣ кораблекрушенія жители не должны грабить гостей, а подавать имъ помощь. 2) Такое существенное сходство въ отношеніяхъ Новгорода и

1) Русско-Ливон. Акты. Стр. 1.

2) Ист. г. Рос. III, прим. 244.—Разсказы изъ рус. истор. Бѣляева. М. 1861 г. стр. 356.

Смоленска къ нѣмецкимъ купцамъ приводитъ къ тому заключенію, что торговля русскихъ съ нѣмцами имѣла по всюду одинаковый характеръ [1]), а далѣе, что внутренній строй смоленской жизни имѣлъ большое сходство съ общественнымъ устройствомъ въ новгородской землѣ. Въ доказательство послѣдняго мнѣнія вотъ еще одинъ примѣръ. Извѣстно, что торговля въ древности производилась у насъ цѣлыми корпораціями. По грамотѣ новгородскаго князя Всеволода Мстиславича (ок. 1135 г.),

1) Для сравненія торговыхъ договоровъ Полоцка съ нѣмецкими городами см.: „Русско-Лив. ак. № XXVI, стр. 13 и № CLIII, стр. 119 и 209.

Въ самое недавнее время, по поводу изданія русско-ливонскихъ актовъ, найденъ до сихъ поръ совершенно неизвѣстный договоръ съ Ригою и Готландомъ, заключенный однимъ изъ непосредственныхъ преемниковъ Мстислава Довыдовича (кѣмъ именно, неизвѣстно,—равно какъ неизвѣстно и самое время составленія этого памятника, которое вообще полагаютъ между 1230—1270 г.). Онъ напечатанъ въ томъ же собраніи актовъ (с. 451—453). Договоръ начинается словами: „а рядъ мой съ нѣмци таковъ"; и затѣмъ излагаются статьи Мстиславова договора въ сокращенномъ видѣ и съ опущеніемъ нѣкоторыхъ статей (наприм. статьи Мстиславова договора § 15, 16, 23 и 26, по тексту А, только напоминаются въ двухъ словахъ: „а на волоце, како то есть пошло"; постановленія о сборѣ вѣсовыхъ пошлинъ, § 27—32, совсѣмъ опущены, точно такъ же, какъ условіе о томъ, чтобы купцу не ѣхать на войну съ княземъ—§ 22, и о вспомоществованіи разбитымъ лодкамъ—§ 35).—Укажемъ нѣкоторыя различія его съ договоромъ 1229 г. Въ послѣднемъ полагается за убійство вообще денежная пеня; въ позднѣйшемъ договорѣ это постановленіе ограничивается: „аже убьютъ мужа вольнаго, то выдати разбойникы, колико то ихъ будетъ было; не будетъ разбойниковъ (т. е. не отъищутъ ихъ), то дати за голову 10 гривенъ серебра (какъ во Мстиславовой грамотѣ). Это извѣстный „потокъ" Русской Правды. Въ договорѣ 1229 г. сказано: „послу и попу что учинять, за двое того узяти, два платежа; въ позднѣйшемъ памятникѣ прибавлено: „убьютъ тивуна княжа, городьскаго, 20 гривенъ серебра, како и послу. Это опять тоже, что и въ Русской Правдѣ.—Грамота кончается такъ: „тоже есть съ вами рядъ свой докончалъ про свое мужы и про свое Смольняны. Ажъ въѣдешъ братъ мои которыи въ Смольньскъ, а учинится вамъ свада съ ихъ мужьми, вамъ ся вѣдати съ ними самѣмъ; или гость ис которое земли приедеть въ мои Смольльскъ, а будешь ва съ ними свада, а вѣдаите ся съ ними сами". Здѣсь ясно полагается различіе между земскими людьми,

[1]) данной церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ, купцы раздѣлялись на „пошлыхъ" и „не пошлыхъ". Для того, чтобы сдѣлаться пошлымъ купцемъ, надобно было внести въ общую купеческую кассу одновременно пятьдесятъ гривенъ серебромъ; но разъ внесшій эту сумму пріобрѣталъ званіе пошлаго купца и для своихъ потомковъ. Пошлымъ купцамъ предоставлены были очень важныя права: они имѣли въ торговыхъ дѣлахъ свой судъ и управу независимо отъ суда княжескаго; [2]) купеческіе

которые называются „мои Смольняны" и княжими мужами, или дружиною.

Любопытенъ самый характеръ изложенія этаго новаго договора по сравненію съ прежнимъ. Тамъ условія предлагаются и со стороны нѣмцевъ и со стороны русскихъ,а иныя статьи очевидно составлены и утверждены послѣ взаимныхъ совѣщаній обѣихъ договаривающихся сторонъ. Въ Мстиславовой грамотѣ обычны выраженія при началѣ отдѣльныхъ статей: „русину не упирати латинянина.... Русину не звати латинянина на полѣ биться; или: „аще латинянинъ дастъ княжю холопу въ заемъ", то получитъ удовлетвореніе такимъ-то способомъ; „аще латиньскій усхочетъ ѣхати и Смольньска, про то князю не держати", и проч. Форма условія показываетъ, что оно предложено было нѣмецкою стороною, принято и подтверждено русскою. Въ позднѣйшей грамотѣ со всѣмъ иной характеръ изложенія: всѣ статьи предлагаются отъ имени только смоленскаго князя и смольнянъ; на первомъ планѣ стоитъ вездѣ русскій купецъ,—установляются его права, имѣется въ виду его безопасность; нѣмецкое же купечество вездѣ отодвигается на вторый планъ или о немъ и совсѣмъ не упоминается. „Или руському гостю притьча ся прогодить въ Ризѣ или на Готьскомъ березѣ, никако же его въ дыбу всадити" : слѣдовало ожидать, что тоже условіе выговорено будетъ и для нѣмцевъ въ Смоленскѣ; но о немъ умолчано, хотя безъ сомнѣнія оно и подразумѣвается. Статей, изложенныхъ въ такой формѣ, какъ наприм. слѣдующая статья изъ Мстиславова договора : „Ажъ межю русиномъ и латиньскимъ свяжетъ другъ друга белъ вины, за то платити 3 гривны серебра", гдѣ сопоставленіе обѣихъ сторонъ разомъ показываетъ, что статья написана послѣ взаимнаго совѣщанія, совсѣмъ нѣтъ въ позднѣйшей грамотѣ.

1) Дополн. акт. ист. № 3, стр. 2.

2) И язъ князь великій Всеволодъ поставилъ есми святому Ивану три старосты отъ житьихъ людей, и отъ черныхъ тысяцкого, а отъ купцевъ два старосты, управливати имъ всякіе дѣла иванская, и торговая и гостинная, и судъ торговый; а (Мирославу) посаднику въ то не вступатца... ни бояромъ Новгородскимъ. Ibid.

старосты выбирались только изъ пошлыхъ купцевъ. [1]) Тоже различіе въ купеческомъ сословіи существовало и въ Смоленскѣ; здѣсь купцы раздѣлялись на „правыхъ" и „не правыхъ." Въ грамотѣ мстиславовой прямо сказано, что свободный путь по Двинѣ, т. е. вообще заграничная торговля, допускается только для тѣхъ, кто „правый" купецъ.

Съ котораго времени началась торговля въ Смоленскѣ? мы не будемъ писать обстоятельную исторію смоленской торговли, потому что это не относится прямо къ предмету нашихъ разсужденій. Притомъ нужно замѣтить, что это дѣло очень нелегкое и требуетъ нарочитаго изслѣдованія: торговля Смоленска, существуя и развиваясь рядомъ съ торговлею другихъ областей, особенно съ богатымъ Новгородомъ и Кіевомъ, какъ бы поглащалась и покрайней мѣрѣ заслонялась торговлею этихъ городовъ, такъ что представить ее отдѣльно отъ послѣднихъ почти невозможно. Извѣстно. что Смоленскъ, по своему географическому положенію, составлялъ средній пунктъ между двумя крайними или пограничными пунктами Россіи, Новгородомъ и Кіевомъ. Итакъ намъ остается только указать вообще на давность смоленской торговли, [2]) именно, что она существовала задолго до нашествія на Россію татаръ.

Слѣды торговой промышленности въ странѣ смоленскихъ кривичей указываютъ еще гораздо ранѣе пришествія въ Русь Рюрика, именно въ доказательство этого указываютъ на расположеніе къ племени кривичей городовъ, построенныхъ съ одной стороны въ мѣстахъ самыхъ удобныхъ для торговли, а съ другой очень ловко принаровленныхъ для ближайшихъ сношеній съ сосѣдями [3]).

Въ лѣтописи читаемъ: „идоша за морѣ къ Варягомъ къ Руси и рѣша Руси чудь, Словени и Кривичи: „вся земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣте княжить и володѣть нами." Здѣсь ясно видно, что между означенными племенами существовалъ союзъ: вопросъ въ томъ,

---

1) А не пошлымъ купцомъ старощенья имъ не держати Ibid.

2) „Временникъ". Кн. 8, стр. 44—46: „Русь предъ пришествіемъ Рюрика". Ст. Бѣляева.

3) Лавр. Л. стр. 8.

что было побужденіемъ къ союзу между ними? Совокупное дѣйствіе трехъ племенъ въ дѣлѣ, касающемся одинаково всѣхъ ихъ, было бы еще понятно для насъ, если бы всѣ они принадлежали къ одной народности; но между Славянами упоминаются Меря и другія племена Финскія. Значитъ, здѣсь были какіе-то другіе, общіе всѣмъ имъ, интересы. Дѣло объяснится само собою, если мы обратимъ вниманіе на географическое положеніе этихъ племенъ. Извѣстно, что торговый путь изъ варягъ въ греки лежалъ отъ Балтійскаго моря къ Черному по озерамъ Ладожскому и Ильменю рѣкою Днѣпромъ. Первое племя, какое встрѣчалось на этомъ пути, именно и была Чудь, прилегавшая къ Балтійскому морю: такимъ образомъ Чудь держала въ своихъ рукахъ ключи великаго воднаго пути въ Грецію. Къ югу отъ Чуди непосредственно шли поселенія Славянъ Ильменскихъ, во владѣніи которыхъ находились другіе, столь же важные пункты его, именно устье Невы, Ладожское озеро, Волховъ и Ловать. Наконецъ еще къ югу отъ Ильменскихъ Славянъ была область Кривичей, которымъ принадлежали волокъ отъ Ловати до Днѣпра и Днѣпровское верховье. Естественно по этому, что поименованныя племена примкнули къ общему союзу между собою, который требовался ихъ торговыми выгодами, и надобно думать, что это были именно торговыя выгоды.

Далѣе полагаютъ, что въ этотъ давній періодъ началась торговля Кривичей и съ Литовскими племенами, жившими по Нѣману, гдѣ Кривичи имѣли подручный себѣ городъ Новогродекъ. По крайней мѣрѣ на блишайшія и дѣятельныя сношенія Кривичей съ латышскими племенами указываетъ съ одной стороны до сего времени сохранившаяся привычка Латышей называть всѣхъ Русскихъ Кривичами и Русскую землю Кривскою землею, а также множество названій разнымъ урочищамъ, совершенно одинаковыхъ съ названіями урочищъ въ Кривскою и именно въ смоленскихъ владѣніяхъ, каковы: Смоленскъ, Смоленица, Смоляки, Смолянки, Смолевичи и прч.; мѣстечки: Кривичи, Крево и т. п. Съ другой еще сильнѣе подтверждаетъ это послѣдующая исторія Литвы, которая такъ тѣсно связана съ исторіею кривскихъ городовъ, особенно Полоцка и Новогородка, что ее даже мудрено отдѣлить; мелкія литовскія племена были въ это время болѣе или менѣе всѣ подчинены и платили данъ кривичамъ.

Лѣса литовской земли богаты были пушными звѣрями, составлявшими важнѣйшій предметъ въ торговлѣ древней Россіи. Наконецъ есть указанія на то, что Литовская земля управлялась по образцу новгородской и смоленской земли: именно многія мѣстности въ минской и частію въ виленской губерніи носятъ названіе погостовъ, хотя объ административномъ дѣленіи литовской земли исторія уже не помнитъ 1).

Первое ясное указаніе на торговлю Смоленска принадлежитъ греческому императору Константину Багрянородному (X в.). Онъ говоритъ: суда ихъ (русскихъ) приходятъ въ Царь-градъ изъ Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова, Вышегорода; подвластные Россамъ Славяне, Кривичи, Лучане и другіе зимою рубятъ лѣсъ на горахъ своихъ и строятъ лодки, называемыя однодревками, ибо онѣ дѣлаются изъ одного дерева. [2]) Для насъ свидѣтельство Багрянороднаго важно еще въ томъ отношеніи, что Смоленскъ поставляется въ немъ на ряду съ торговыми городами Новгородомъ и Кіевомъ, участвуетъ въ торговлѣ послѣднихъ, такъ что по этому мы имѣемъ полное основаніе подразумѣвать участіе Смоленска въ этой торговлѣ и тогда, когда о немъ прямо не упоминается, но гдѣ, по своему положенію на линіи одного торговаго пути, онъ долженъ былъ участвовать въ ней.

Торговля Руси съ Византіею оживилась въ X вѣкѣ (по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, торговыя сношенія съ греками были въ это время ежегодныя) и получила твердую

---

1) Очеркъ исторіи сѣверо-зап. края. „Бѣляева. Вильно. 1867 г. стр. 9—10.—Рус. земля предъ пришествіемъ Рюрика. Стр. 50. Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ. Вильно, Ковно, Троки и др. Вильно 1843 г. Введеніе.

— Боричевскій прямо называетъ между другими русскими городами, производившими торговлю съ Литвою, Столенскъ. Жур. Мин. Нар. Пр. ч. 42, отд. II, стр. 47—48.

2) Ист. Г. Рос. 1,47. Изъ этого же свидѣтельства Константинова мы узнаемъ и о промышленномъ характерѣ Смоленскихъ жителей и объ отличительномъ свойствѣ Смоленской промышленности (лѣсной и производившейся въ лѣсахъ, т. е. пчеловодствѣ и звѣроловствѣ, потому что обиліе лѣсовъ предполагаетъ и то, и другое). Онъ говоритъ, что въ верховьяхъ Днѣпра Славяне рубятъ лѣсъ и строятъ лодки, спуская ихъ внизъ по Днѣпру.

опору въ договорахъ Олега и Игоря съ Греками; вмѣстѣ съ другими городами въ ней участвовали купцы изъ Любеча Смоленска и друг. Торговыя сношенія въ Греками постоянно продолжались и въ XI вѣкѣ; въ XII в. лежала дорога въ Херсонесъ, и на пути днѣпровскомъ находились поселенія, служившія притономъ проѣзжимъ купцамъ и складочнымъ мѣстомъ товаровъ, какъ на прим. близъ морскаго берега городъ Олешье. 1) Только со времени татарскаго ига непосредственныя сношенія русскихъ купцевъ съ Греками ослабѣваютъ, и въ торговлѣ Россіи съ южною Европою становятся посредниками венеціанскіе купцы, которые основываются при устьяхъ Дона.

О торговыхъ сношеніяхъ Смоленска съ востокомъ свидѣтельствуютъ арабскія (куфическія) монеты, VIII—X в., особенно въ огромномъ количествѣ находимыя въ мѣстности, изъ которой вытекаютъ рѣки Двина, Ловать, Днѣпръ, Волга и Ока, т. е. въ области Кривичей. 2) О мѣнѣ русскихъ товаровъ на монеты въ Хозаріи говоритъ Ибнъ—Фоцланъ. 3)

Неизвѣстно, съ котораго времени началось торговое движеніе по Двинѣ со стороны Смоленска; но по всей вѣроятности очень рано. Первый русскій лѣтописецъ, Несторъ уже зналъ о двинскомъ пути, что онъ ведетъ на западъ и въ море Варяжское: „тѣмже изъ Руси можетъ ити по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима.“ 4) По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что уже во время норманскаго періода русской исторіи Двина была сообщительнымъ путемъ для городовъ Полоцка, Витебска и Смоленска. 5) Но особенно дѣятельныя сношенія русскихъ

---

1) „Промышленность древней Руси“. Аристова. спб. 1866 г. стр. 183.

2) Ibid. Прим. 591.

3) „Сказанія иностран. писателей о Россіи“. Макушева с. 212. Ист. Г. Рос. 1, прим. 364.—Изъ разсказа арабскихъ писателей X вѣка (Ибнъ Фоцланъ) объ обычаяхъ русскихъ, видѣнныхъ въ Болгаріи, можно думать, что эти русскіе были именно кривичи,—по крайней мѣрѣ, племя славянъ, бывшее по сосѣдству съ Литвою. Въ этомъ разсказѣ упоминается наприм. объ обычаѣ сожигать тѣла умершихъ, который былъ и у литовцевъ и, какъ полагаютъ, заимствованъ ими у славянъ (Р. земля предъ прибытіемъ Рюрика“. Бѣляева).

4) Лар. а. стр. 3.

5) Русско-лив. акты: anhang № 1, стр. 405.

съ иностранцами по Двинѣ начались съ половины XII вѣка, когда бременскіе купцы, прибитые на кораблѣ къ устью Двины, побѣдили бросившихся на нихъ ливовъ, стали производить съ ними мѣновую торговлю и основали тамъ купеческія конторы—Укскуль и потомъ Даленъ. 1) Съ той поры начались прочныя и постоянныя сношенія русскихъ торговцевъ по Двинѣ съ Ригой, Готландомъ и другими ганзейскими городами.

Здѣсь очень важно было бы прослѣдить исторію торговыхъ сношеній Смоленска съ Нѣмцами по Двинѣ, потому что въ нихъ скрываются задатки многихъ весьма крупныхъ явленій дальнѣйшей исторіи Смоленска внутренней и внѣшней, особенно борьбы въ краѣ русскаго вліянія съ нѣмецкимъ. Мы уже знаемъ, что въ 1229 г. смоленскій князь Мстиславъ Давыдовичъ заключилъ свой договоръ съ Ригою и нѣмецкими городами не только за себя и подручныхъ ему Смолнянъ, но и воимя князей витебскаго и полоцкаго. Включеніе витебскаго и полоцкаго владѣтелей въ договорныя статьи съ Нѣмцами очень понятно: нельзя было пробраться въ Смоленскъ нѣмецкимъ торговымъ людямъ, минуя полоцкія и витебскія владѣнія. Но сношенія Смоленска съ Нѣмцами по Двинѣ, какъ мы уже и замѣчали, существовали гораздо ранѣе 1229 г. При заключеніи договора Полоцка съ Ригою, въ 1210 г., Генрихъ Лотышскій упоминаетъ, въ качествѣ повѣреннаго полоцкаго князя, нѣкотораго Рудольфа Смоленскаго, который, судя по его имени, былъ нѣмецкій торговый гость въ Смоленскѣ. 2) Значитъ торговля у Смоленска по Двинѣ производилась уже въ 1210 г. Въ 1212 г. Владиміръ, князь полоцкій, посредствомъ новаго мирнаго трактата предоставилъ рижскому епископу Альберту всю Ливонію, при чемъ выговорено было свободное плаваніе по Двинѣ. Неизвѣстно, принималъ ли какое нибудь участіе смоленскій князь въ договорахъ 1210 и 1212 г. Если этого не было, то остается принять, что еще до 1213 г. (по которое время жилъ въ Смоленскѣ Мстиславъ Романовичъ), существовало особое соглашеніе между Ригою и Мстиславомъ Романовичемъ смоленскимъ. О такомъ соглашеніи находится ясное упоминаніе въ договорѣ, заключенномъ сыномъ его съ

1) Аристовъ: стр. 205.
2) Русско-лив. акты Anhang 1, стр. 405—406.

Ригою и Готландомъ, ок. 1230 г. (о которомъ мы сказали прежде). Здѣсь сказано: „а како будеть Немѣчскыи гость Смолиньскѣ, а почьнѣть ся кто отъ нихъ просити въ иную землю, то како то было при моемъ отци, при Мстиславѣ при Романовиці, и при моемъ братѣ при Мстиславѣ, онемъ ся прошати, а инѣ е по думѣ поущати." Какъ бы то ни было, это извѣстіе, въ связи съ извѣстіемъ Генриха Лотышскаго о Рудольфѣ смоленскомъ, несомнѣнно удостовѣряетъ въ томъ, что были сношенія у Смоленска съ Нѣмцами уже въ самомъ началѣ XIII вѣка и, какъ видно, эти сношенія были непрерывныя. Тотъ же Генригъ Лотышскій, подъ 1222 годомъ, непосредственно послѣ разсказа о битвѣ при Калкѣ и о бѣгствѣ русскихъ, извѣщаетъ, что князья смоленскій и полоцкій отправили пословъ въ Ригу, чтобы возобновить миръ „по старому постановленію" „И прислалъ князь смоленскій и князь полоцкій и нѣкоторые другіе русскіе князья пословъ въ Ригу съ прозьбою о мирѣ. И возобновленъ былъ миръ во всемъ такъ, какъ заключенъ уже былъ прежде" 1)

Извѣстно, что сношенія Полоцка съ Смоленскомъ были постоянны и самыя близкія, особенно со времени Ростислава Мстиславича (съ тридцатыхъ годовъ 12-го столѣт.), По этому очень вѣроятно, что между тѣмъ какъ нѣмцы, съ самаго начала пребыванія на Двинѣ, завязали дѣятельныя сношенія съ полоцкими князьями, они въ тоже время проложили торговый путь къ Смоленску, т. е. въ началѣ XIII или даже въ концѣ XII вѣка (время княженія Мстислава Романовича въ Смоленскѣ относится къ 1197—1212 г.). Это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ первые же 10-ть лѣтъ по своемъ прибытіи на Двину (1158—1168) Нѣмцы проложили уже торговый путь къ Пскову и Новгороду 2) а товары къ Смоленску по Двинѣ справлять было гораздо удобнѣе, чѣмъ къ Пскову и Новгороду.

Какое участіе Смоленскъ принималъ во внутренней торговлѣ Россіи и въ какой мѣрѣ торговое движеніе охватывало не одинъ Смоленскъ, главный городъ области, а и другія населенныя мѣстности ея, разумѣемъ по преимуществу города смоленскаго

---

1) „Выписки изъ Генриха Латышскаго. „Уч. зап. ак. по 1 и III отд. т. 1, стр. 325.

2) Повѣств. о Россіи. Арцыбаш. т. I. кн. II, стр. 369.

княжества? Несомнѣнно, что съ Новгородомъ у Смоленска были постоянныя торговыя сношенія. Въ грамотѣ Всеволода упоминаются между прочимъ купцы изъ Смоленска, жившіе въ Новгородѣ. Новгородцы добывали хлѣбъ изъ областей смоленской, полоцкой и кіевской [1]. Въ 1137 г. Мономаховичи прекратили торговлю съ Новгородомъ; не было у него мира ни съ Суждальци, ни съ Смолняны, ни съ Полоцяны, ни съ Кіяны, и стоя все лѣто осьминка великая по 7 рѣзань [2]. Съ Кіевомъ также производилась торговля. Въ Смоленскѣ торговали тверскіе купцы; само собою разумѣется, что и смоленскіе купцы ѣзхили туда. Ярославъ въ 1216 году въ Переяславлѣ запряталъ новгородскихъ купцевъ въ погребъ, въ числѣ 150, да смоленскихъ 25, гдѣ ихъ погибло множество. Вообще, говоритъ Бѣляевъ въ своихъ „разсказахъ" (стр. 349), Смоляне и Полочане вели дѣятельную торговлю съ Новгородомъ, ростовско-суздальскою землею, Кіевомъ, Черниговомъ и Волынью; ибо, по свидѣтельству лѣтописей, мы встрѣчаемъ смоленскихъ гостей во всѣхъ этихъ краяхъ.

Что касается до участія въ торговлѣ другихъ городовъ смоленской области, то опредѣленно извѣстно, что до 1150 г. была торговля въ смоленскихъ городахъ Копылѣ, Анчинѣ, Оболви, [3] Лучинѣ, Пацини, Ржевѣ и особенно въ Торжкѣ. [4] Изъ названій нѣкоторыхъ мѣстечекъ мы можемъ узнать отличительный характеръ промышленности обывателей ихъ, какъ на прим. Бортницы, Солодовичи—мѣстечки смоленской области; конечно онѣ производили и торговлю этими предметами, т. е. медомъ или воскомъ и солодомъ.

Итакъ мы показали давность смоленской торговли, ея пространственное распространеніе и пути которыми она производилась; ознакомились съ характеромъ и размѣрами ея. Послѣ всего сказаннаго, думаемъ, ясно для читателя, что торговое значеніе Смоленска въ древней русской исторіи не можетъ подлежать сомнѣнію; а вмѣстѣ съ тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію то вліяніе, какое Смоленскъ, по своему торговому характеру, имѣлъ на

---

1) Промышленность др. Руси. стр. 176.
2) 1 Новг. Л. 1137 г.
3) Акт. ист. т. 1, № 7.
4) Погод. „изслѣд. и лекціи". т. IV, стр. 276.

развитіе древне-русской цивилизаціи; такъ какъ эта торговля имѣла не только экономическое значеніе, т. е. не была только средствомъ накопленія богатствъ и увеличенія матеріальнаго благосостоянія края, но и значеніе цивилизующаго элемента (для образованія нравовъ и развитія просвѣщенія и гражданственности въ народѣ). Значеніе древнерусской торговли опредѣляется вообще тѣмъ, что Россія служила посредницею въ торговлѣ между сѣверомъ и югомъ Европы съ одной стороны, а съ другой-между Европою и Азіею, такъ что произведенія одной части свѣта находили свой сбытъ чрезъ Россію; а Смоленскъ, какъ извѣстно, былъ срединнымъ пунктомъ въ этой торговлѣ. Ганзейскіе города и Новгородъ возвысились и обогатились, благодаря своей торговой предпріимчивости. Что касается до Смоленска, то нѣкоторыя понятія о его богатствахъ можетъ дать ростиславова грамота, (1150 г.), въ которой количество княжескихъ доходовъ въ смоленской области, не смотря на ея сравнительно малое протяженіе, опредѣляется болѣе, чѣмъ въ 300 гривенъ, или по вѣсу до 555 фунтовъ серебра; да притомъ доходы здѣсь не всѣ исчислены, и торговля съ того времени начала еще болѣе процвѣтать въ Смоленскѣ 1). Въ описываемое время торговыя пошлины составляли одну изъ прибыльныхъ статей княжескаго дохода, тѣмъ болѣе, что походы въ чужія страны для завоеваній и покоренія племенъ, бывшіе прежде однимъ изъ главныхъ источниковъ для обогащенія князей и дружины, теперь прекратились. Вотъ почему

---

1) Впрочемъ, говоря о выгодахъ торговли не слѣдуетъ преувеличивать ихъ. Извѣстно, что эксплуатація русской торговли, особенно со стороны нѣмцевъ, наносила весьма чувствительный ущербъ нашимъ купцамъ. Нѣмецкія конторы располагали по своему произволу цѣнами товаровъ и нѣмецкіе товары продавали какъ можно дороже, а русскіе покупали какъ можно дешевле. Такимъ образомъ производительность края вознаграждалась очень скупо. Напримѣръ новгородская торговля была выгодна болѣе для нѣмцевъ чѣмъ для туземнаго населенія, такъ „что не смотря на продолжительную торговлю, богатство края не увеличивалось (сѣверно-рус. народоправства“. Костом. 11, 202). Что сказано о новгородской торговлѣ, то въ одинаковой степени можетъ быть отнесено и къ смоленской, потому, что характеръ той и другой былъ одинаковъ.

и сами князья старались всячески покровительствовать торговлѣ: такъ между ними бывали договоры такого рода, что купцы могутъ производить безпрепятственно свои промыслы и въ военное время, и воюющія стороны не должны ихъ трогать. Значитъ, было въ обществѣ по крайней мѣрѣ сознаніе того, что слѣдуетъ давать просторъ торговой предпріимчивости, хотя на практикѣ это конечно не всегда выполнялось; о томъ же свидѣтельствуютъ и законодательныя мѣры того времени, о которыхъ мы говорили выше.

Торговля, какъ сказано, имѣла большое вліяніе и награжданственность русскую. Общество воспитывало посредствомъ нея свою гражданскую свободу, выработывало формы общественныхъ учрежденій. Духъ корпорацій, свойственный торговлѣ тогдашняго времени, способствовалъ развитію общиннаго самоуправленія и прочности отдѣльныхъ общинныхъ міровъ, которые были признаваемы и государственною властію со всѣми ихъ правами и взаимными обязательствами. Вотъ почему въ исторіи встрѣчается то явленіе, что духъ свободы и общиннаго самоуправленія особенно присущъ былъ торговымъ городамъ и мѣстностямъ древней Россіи, какъ наприм. новгородской землѣ, частію полоцкой и другимъ.

Но торговля имѣла еще одно важное значеніе въ древней отечественной исторіи; съ нею соединено было первоначальное заселеніе земель, колонизація славянскаго племени, и распространеніе славяно-русскаго вліянія на сосѣднія инородческія племена. Жажда пріобрѣтеній побуждала предпріимчивыхъ людей пускаться въ отдаленныя области для собиранія продуктовъ внѣшняго сбыта. Такимъ путемъ Новгородъ увеличилъ государство территоріальными пріобрѣтеніями на сѣверо-востокѣ Европы. Такимъ образомъ торговля изъ мирнаго промышленнаго занятія, подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ, пріобрѣтала значеніе государственное. Борьба національная и политическая на окраинахъ Россіи, устраненіе препятствій къ образованію одного независимаго государства, одной великой націи на всемъ протяженіи его, выработка средствъ къ самобытному развитію, есть важнѣйшая и существенная задача нашей древней исторіи, къ которой примыкаетъ все историческое движеніе той эпохи. Съ этой стороны торговля пограничныхъ русскихъ областей пріобрѣ-

таетъ въ нашихъ глазахъ чрезвычайный интересъ по тѣмъ отношеніямъ, въ какихъ торговые обыватели этихъ областей находились къ своимъ сосѣдямъ.

Смоленская торговля немогла дѣлать территоріальныхъ пріобрѣтеній для государства, подобно новгородской, потому что Смоленскъ находился внутри русскихъ владѣній; она могла только распространять вліяніе „русское" на иноземцевъ и притомъ въ одну сторону—на западъ. Но и эту миссію Смоленскъ получилъ преемственно отъ Полоцка, съ того времени, какъ стало ясно, что послѣдній, вслѣдствіе внутреннихъ неурядицъ въ княжествѣ и фальшиваго отношенія къ остальной Руси, не можетъ выполнить своей исторической задачи, которая состояла въ томъ, чтобы подчинить славяно-русской народности инородческія племена, обитавшія на западныхъ окраинахъ Россіи. Тогда-то Смоленскъ выступаетъ на его дорогу, и торговля его служитъ здѣсь однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ пособій для политическихъ дѣлъ, содѣйствуя ознакомленію и взаимному сближенію племенъ, т. е. будучи съ одной стороны проводникомъ русскаго вліянія къ западнымъ инородцамъ, а съ другой оплотомъ противъ нѣмецко-латинскаго вліянія на ихъ земли. Смоленскъ дѣйствительно успѣлъ сдѣлать многое въ этомъ отношеніи, прежде чѣмъ исторія подчинила его литовскимъ государямъ: въ договорѣ 1229 г. мы уже видимъ, что витебскіе и полоцкіе князья находятся въ зависимости отъ смоленскаго князя. Значитъ, въ это время Смоленскъ уже какъ бы непосредственно примыкалъ къ западнымъ границамъ государства и могъ свободно распространять тамъ русское вліяніе на инородцевъ.— Но къ этому предмету, въ которомъ торговля сходится съ политикою, мы еще возвратимся при обзорѣ политической исторіи смоленскаго княжества, а теперь перейдемъ къ очертанію внутренняго состоянія его.

Относительно фактовъ областнаго управленія замѣчательно время Ростислава Мстиславича, того самого Мономахова внука, съ котораго начинается преемство смоленскихъ князей въ его родѣ, извѣстныхъ подъ именемъ Ростиславичей. Ростиславъ положилъ прочное основаніе политической власти смоленскаго княжества, такъ что княженіе его составляетъ начало новой

эпохи въ исторіи Смоленска. Съ его времени Смоленскъ начинаетъ играть весьма замѣтную роль въ общей политической исторіи Россіи, принимаетъ живѣйшее участіе во всѣхъ судьбахъ ея, особенно въ судьбѣ южной кіевской Руси.

Отъ времени Ростислава сохранились до насъ уставныя грамоты, данныя епископіи смоленской, въ которыхъ опредѣляются доходы на содержаніе церкви и клира и установляются права епископа относительно церковныхъ имуществъ и суда церковнаго.

Грамота писана была въ 1150 г., [1]) при Смоленскомъ епископѣ Мануилѣ. Ознакомимся съ содержаніемъ этого весьма важнаго въ историческомъ отношеніи документа.

На седержаніе епископа съ клиромъ грамота назначаетъ:

1) Доходъ съ прощениковъ (особаго класса людей, отпущенныхъ на волю или получившихъ какую нибудь необыкновенную милость отъ Бога [2]); ихъ отдаетъ князь въ непосредственное распоряженіе епископа съ судомъ надъ ними: „се даю Святѣй Богородици и епископу прощеники съ медомъ и съ кунами, и съ вирою и съ продажами, и не надобѣ ихъ судити никакому человѣку.“

2) Десятину деньгами („истыхъ кунъ,“ какъ сказано въ грамотѣ) отъ всѣхъ даней смоленскихъ, кромѣ продажи и кромѣ виры (судныхъ и уголовныхъ пошлинъ [3]) и кромѣ полюдья. При этомъ перечисляются разные мѣстечки, съ которыхъ должно получать дань епископу, съ показаніемъ, сколько откуда идетъ денегъ въ казну княжескую и съ обозначеніемъ разныхъ видовъ княжескихъ доходовъ, наприм: „у Вержавлянѣхъ у Великихъ (отъ Ржева, какъ думаетъ Погодинъ) 9 погостъ, а въ тыхъ погостѣхъ во всѣхъ сходится дани осмьсотъ гривенъ, а передмѣра (особой торговой пошлины) сто гривенъ, а на истужницѣхъ (слово темное) сто гривенъ: то ти изъ того взяти епис-

1) Напечатана въ Дополненіи къ Актамъ Историческимъ, Т. 1 № 4.

2) Историко-статистич. описаніе Смоленской епархіи. СПБ. 1864 г. с. 74.

3) Очень хорошее и популярное объясненіе этихъ древнихъ терминовъ можно видѣть въ книгѣ Бѣляева: „Разсказы изъ Р. исторіи. М. 1861 г. стр. 210—213.

копу къ Святѣй Богородици сто гривенъ." Вотъ это-то перечисленіе разныхъ городовъ и мѣстечекъ смоленской области, съ которыхъ идетъ дань въ княжую казну, съ указаніемъ притомъ на разные виды этой дани и съ обозначеніемъ самаго количества (въ гривнахъ) взимаемыхъ податей и представляетъ для историка особенную важность; оно проливаетъ ясный свѣтъ на внутреннее состояніе смоленскаго княжества, знакомитъ насъ съ характеромъ внутренняго управленія, съ отношеніями княжеской власти къ земской и наоборотъ. Но объ этомъ мы еще скажемъ.

Въ 3-хъ на содержаніе епископу и духовенству князь назначаетъ села и угодья, которыя поступаютъ во владѣніе епископа: „село Дросенское со изгои (невольными людьми) и съ землею, Святѣй Богородици и епископу, и село Ясенское, и землю въ Погоновичахъ, иозера нимикорская и съ сѣножатами, и уѣздъ, княжъ, и на Сверковыхъ лугахъ сѣножати, и уѣздъ княжъ озеро Колодарское, Святѣй Богородици. Всѣхъ даней епископскихъ насчитывается болѣе 300 гривенъ; если присовокупимъ сюда поземельные доходы и частные вклады, то надобно признать что положеніе духовенства, которое во всякомъ случаѣ не могло быть многочисленно для того времени было достаточно обезпечено въ матеріальномъ отношеніи 1).

Далѣе въ ростиславовой грамотѣ мы находимъ опредѣленіе правъ епископа относительно суда. Судъ церковный предоставляется исключительно епископу: „ажъ церковный человѣкъ дойдетъ до чего, то своему епископу." Но кромѣ суда надъ духовными людьми, епископу предоставляется судъ надъ людьми, не принадлежащими къ клиру, въ дѣлахъ, касающихся семейныхъ отношеній и семейной нравственности, а также судъ надъ чародѣями и колдунами: „зелья и душегубства (слѣдствія волявованія) тяжа епископья." Въ нѣкоторыхъ случаяхъ епископу отдается только половина судной пошлины, а другая идетъ въ пользу князя: „ажъ уволочетъ кто дѣвку, што возметь князь, съ епископомъ на-полы, или посадникъ что возметь свои тяжи, то епископомъ на полы."

1) Подобное же опредѣленіе о десятинѣ въ пользу церкви встрѣчаемъ въ Новгородской области, въ грамотѣ Святослава Ольговича, 1137 г.

Такимъ образомъ мы видимъ попытки къ точному опредѣленію отношеній между церковною и свѣтскою или княжескою властію, какъ вообще разсматриваемый періодъ русской исторіи отличается регулирующею дѣятельностію въ сферахъ административной и гражданской и частной жизни. Конечно такія попытки не всегда увѣнчивались успѣхомъ и, въ большей части случаевъ, были не полны и слабы; но во всякомъ случаѣ, отъ чего бы ни зависѣлъ этотъ неуспѣхъ, мы не можемъ не цѣнить историческихъ заслугъ тѣхъ дѣятелей и тѣхъ обществъ, которые, или по мѣстнымъ потребностямъ или по какимъ нибудь другимъ, можетъ быть, и стороннимъ побужденіямъ, ставили и по возможности рѣшали эти и подобныя задачи, вошедшія въ сознаніе народа и стоявшія на пути его прогресса.

Чѣмъ вызвана была Ростиславова грамота. Ростиславу, который положилъ прочное начало отдѣльному существованію Смоленскаго княжества, естественно было желать столь же независимаго положенія и духовной власти для Смоленской области. На эту статью грамота ударяетъ съ особенною силою, присовокупляя угрозу: „паки ли приложитъ кто сію епископью опять къ Переяславстѣй епископьи, завистію, а разрушитъ сію епископью смоленскую: то князь отъиметъ свое опять, еже былъ установилъ епископу.“ А епископъ прибавляетъ отъ себя: „да буди ему клятва: да будетъ ему Богъ противенъ, въ день судный и святая Богородица, да будетъ проклятъ отъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ 300 и 18,“ — клятва, равносильная той, которая полагается за нерадѣніе и передачу въ чужую собственность церковныхъ и епископскихъ имѣній (1).

---

1) Заслуживаетъ вниманія самая форма условій, въ которыя вступаютъ между собою князь и епископъ. Князь торжественною грамотою возвѣщаетъ и закрѣпляетъ права епископа и клира „за себя и за своихъ преемниковъ, присовокупляя: „дажъ кто разрушитъ ю (епископью), да самъ отвѣчаетъ святѣй Богородици, и сія клятва святыхъ Отецъ (нижеписанная рукою епископа) буди на немъ, а язъ буду безъ грѣха.“ Епископъ съ своей стороны письменно же скрѣпляетъ выговоренныя условія своего пребыванія на Смоленской каѳедрѣ и произноситъ на самомъ дѣлѣ ту клятву, о которой упомянулъ князь. Но какъ князь не одинъ самъ по себѣ распорядился уставною грамотою, а съ совѣта дружины, „сдумавъ съ людьми своими: такъ и епископъ не одинъ самовластно прини-

Здѣсь въ немногихъ словахъ мы скажемъ о просвѣщеніи и нравахъ смоленскихъ жителей, прежде чѣмъ перейдемъ къ обозрѣнію прочихъ частей внутренняго состоянія области.

Тѣ же самые памятники внутренней исторіи Смоленска, которые мы уже разобрали, т. е. Ростиславова грамота и договоръ Мстислава Давыдовича съ нѣмцами, знакомятъ насъ съ нѣкоторыми чертами нравовъ и обычаевъ смоленскихъ жителей. Нужно однако замѣнить, что нѣкоторыя выраженія Ростиславовой грамоты характеризуютъ не совсѣмъ съ хорошей стороны населеніе смоленской области въ отношеніи семейныхъ нравовъ. Такъ наприм. мы узнаемъ изъ нея, что тогда было въ обычаѣ имѣть двухъ женъ (эта статья отдается на судъ епископа), вступать въ бракъ не по христіанскому закону, умыкать дѣвицъ для замужества 1), — черта, уже знакомая намъ изъ описанія нравовъ Кривичей преподобнымъ Несторомъ 2). Это показываетъ, что христіанская вѣра не глубоко еще тогда проникла въ народныя массы и не успѣла изгладить его языческихъ обычаевъ и воззрѣній. Впрочемъ мы имѣемъ факты и обратнаго свойства, свидѣтельствующіе о томъ, что христіанство производило глубокое дѣйствіе надъ нѣкоторыми избранными лицами. Со временемъ же княженія Ростислава въ Смоленскѣ совпадаютъ христіанскіе подвиги преп. Авраамія смоленскаго, мужа, исполненнаго глубокаго благочестія, и ревностнаго проповѣдника слова Божія. Изъ описанія жизни этого угодника Божія 3) видно, что смоленскіе жители весьма охотно склоняли свой слухъ къ проповѣданію христіанскихъ истинъ; но что духовенство, ув-

---

маетъ высказанныя въ грамотѣ условія и произноситъ клятву на нарушителей, а съ согласія и утвержденія митрополита Кіевскаго, который такимъ образомъ является высшею инстанціею въ обсужденіи церковныхъ дѣлъ: „се азъ худый и грѣшный и недостойный епископъ Мануилъ, съ благороднымъ и христолюбивымъ княземъ Михаиломъ, утвержаевѣ, еже написана, утвержена и сотворена о, благодати и благословеніемъ Св. Духа поставленикомъ моимъ митрополитомъ Русскимъ киръ Михаиломъ.“

1) А четвертая тяжа уволочская, ажъ уволочетъ кто дѣвку.

2) Лавр. Л. стр. 6.

3) Житіе его напечатано въ Минеи Четьи. Августъ 21 день. Подробнѣе о состояніи христіанства въ Смоленской области см. въ историко-статистич. описаніи Смол. епарх. стр. 14—17 и д.

лекаясь завистію къ славѣ преп. Авраамія и множеству приходящихъ у него поучаться, распускало о немъ клеветы въ народѣ, запрещало святому поучать, а народу слушать его. Въ Смоленскѣ существовали уже тогда нѣсколько монастырей въ самомъ городѣ и въ окрестностяхъ его [1]). О Климентѣ смоленскомъ у лѣтописца говорится, что онъ возведенъ былъ на митрополичью (кіевскую) каѳедру „изъ заруба“ или, какъ объясняетъ это Никонова лѣтопись, изъ молчальныя кельи, „бѣ бо книжникъ и философъ такъ, якоже въ русской земли не бяшеть [2]).“ Договоръ Мстислава упоминаетъ о нѣмецкой церкви въ самомъ Смоленскѣ; это показываетъ, что смоленскіе жители усвоили себѣ въ области религіи начало вѣротерпимости.

Слѣды существованія училищъ въ Смоленскѣ встрѣчаются весьма рано. Въ первой половинѣ XII вѣка преп. Авраамій учился вмѣстѣ со многими сверстниками, которыхъ онъ превосходилъ понятливостію и прилежаніемъ. Во второй половинѣ того же вѣка смоленскій князь Романъ Ростиславовичь учредилъ училища на свой счетъ, въ которыхъ обучали латинскому и греческому языку [3]). На полезныя мирныя учрежденія этотъ князь до того истощилъ свою казну, что, по смерти его, смоляне погребли его на общественныя деньги. При заключеніи торговаго договора съ Нѣмцами въ 1229 г. упоминаются священники Іеремія и Андрей, которымъ поручено было участвовать въ заключеніи условій; очевидно, что это порученіе требовало знанія иностраннаго языка.

Рядомъ съ княжескою властію стояла земская власть, или

---

1) Любопытно производство суда надъ преп. Аврааміемъ въ присутствіи епископа и князя. Во дворъ епископскій собралось множество народа и съ нимъ городское духовенство: „и предста неповинный осужденникъ епископу и князю на судъ, всѣмъ на него вопіющимъ и вадящимъ.“ Доносы оказались или ложными или недоказательными; поэтому епископъ отложилъ приговоръ до другаго дня. На слѣдующее утро епископъ опять сталъ выслушивать доносъ отъ клеветниковъ. „Аще же и необрѣтахуся вины его, обаче повинна творяху неповиннаго. Епископъ убо, „утоляя мятежъ“ ихъ, отосла преподобнаго отъ града въ прежней монастырь, идѣже пострижеся“. Вотъ образецъ смоленскаго вѣча!

2) Ипат. Л. 1147.

3) Ист. Россіи. Сол, III, 88.

вѣчевая. Лѣтописныя извѣстія не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ Смоленскѣ существовало вѣче: „новгородцы бо изначала, и смольняне, и кіяне, и полочане, и вся власти (волости) якоже на думу, на вѣча сходятся 1).“ Выраженіе „изначала“ указываетъ на очень давній обычай сходиться на вѣча; а сопоставленіе съ Новгородомъ и Полоцкомъ убѣждаетъ въ этой мысли еще болѣе, потому что вѣчевое устройство новгородской земли позднѣе, чѣмъ сколько можетъ запомнить исторія.

Но кромѣ этого общаго свидѣтельства, относящагося ко всѣмъ русскимъ областямъ, есть прямыя указанія на смоленское вѣче. Въ 1185 году смоляне отправились съ княземъ своимъ Давыдомъ къ Кіеву помогать южнымъ князьямъ, Рюрику и Святославу, на половцевъ. Достигнувъ Треполя, они отказались отъ дальнѣйшаго преслѣдованія половцевъ. „Смолняне, разсказываетъ лѣтописецъ, начали вѣче дѣлать, говоря: мы пошли только до Кіева, если бы непріятель встрѣтился, мы бились бы; но искать его далѣе мы не можемъ, мы изнемогли.“ Лѣтопись, правда, не сохранила ни одного извѣстія, въ которомъ бы упоминалось о вѣчѣ въ стѣнахъ самого Смоленска, хотя не разъ говоритъ объ общественной дѣятельности Смолнянъ. Такъ въ 1175 г. они „изгнали“ Ярополка, котораго оставилъ у нихъ князь ихъ, Романъ Ростиславичь, уходя въ Кіевъ, и „призвали“ дядю его Мстислава Ростиславича; въ 1196 году они „не приняли“ Олега (у нихъ тогда княжилъ братъ его Давыдъ). Подъ 1186 годомъ находимъ въ лѣтописи такое извѣстіе: „встань бысть Смоленьскѣ промежи князя Давыда и Смольняны.“ Это несогласіе князя и гражданъ улеглось не скоро и очень ослабило Давыда. Въ 1195 году оно ободряетъ черниговскихъ князей напасть на Давыда. Олегъ Святославичъ приводитъ дядѣ своему, Ярославу черниговскому, такое доказательство въ пользу этой войны: „сказывали мнѣ, что смолняне не добрѣ живутъ съ Давыдомъ; болѣе удобнаго времени не будетъ; выступай немедля, теперь-то мы возмемъ честь свою 2).“

Такимъ образомъ не смотря на то, что въ Смоленскѣ мы не

---

1) Лавр. л. 1176 г.
2) „Вѣче и князь“. Сергѣевича: м. 1867 г. ст. 6.

видимъ такихъ народныхъ волненій изъ-за споровъ о князьяхъ, какіе очень часто бывали въ Новгородѣ или въ Кіевѣ, участіе гражданъ въ княжескихъ дѣлахъ здѣсь не подлежитъ сомнѣнію. Смолняне питали особенное расположеніе къ племени Мономахову; отрасль его, Ростиславичи, пріобрѣла наслѣдственность въ смоленскихъ владѣніяхъ; этимъ-то и объясняются мирныя отношенія гражданъ къ своимъ князьямъ. Здѣсь очевидно было обоюдное согласіе, если не всегда опредѣленно высказываемый, то всегда подразумѣваемый „рядъ" между княземъ и народомъ, по которому народъ соглашался держать у себя такого-то князя, а князь обязывался съ своей стороны не простирать своей власти далѣе того, сколько позволяли народные обычаи и вольности. На это именно намекаютъ приведенные выше примѣры, что смолняне въ одинъ разъ изгнали Ярополка, а въ другой поссорились съ Давыдомъ. Тотъ и другой князь одинаково принадлежали къ племени Ростиславичей, которые считали Смоленскъ своею отчиною; но ни наслѣдственныя права, ни привязанность смолнянъ къ Ростиславову роду не попрепятствовали послѣднимъ возстать противъ своихъ князей, когда они, какъ надобно думать, стали нарушать обычныя права народа [1]). Значитъ, смол-

---

1) Со смертію Мстислава Давыдовича (1229 г.), кажется, измѣнились отношенія смолнянъ къ потомству Ростислава Мстиславовича, и смоленская земщина едвали нехотѣла остаться безъ князя, или, подобно Новгороду, не думала ли имѣть у себя выборныхъ князей изъ другихъ княжескихъ родовъ. Ибо во второй годъ послѣ смерти Мстислава Давыдовича мы имѣемъ въ лѣтописи извѣстіе (Новг. 1 л. 1232 г.), что Святославъ Мстиславовичъ внукъ Романа Ростиславича, при помощи полочанъ, взялъ Смоленскъ на щитъ, изсѣкъ смольнянъ и сѣлъ на тамошнемъ княжескомъ столѣ. Потомъ чрезъ шесть лѣтъ по взятіи Смоленска Святославомъ, Ярославъ Всеволодовичъ суздальскій приходилъ въ Смоленскъ на Литву, взялъ ихъ князя, урядилъ смолнянъ и посадилъ имъ въ князья Всеволода Мстиславича, роднаго брата Святославу, а самъ со множествомъ полона и съ великою честію возвратился домой (Воскр. л. 1239 г.). Это послѣднее извѣстіе намекаетъ, кажется, на то, что Святославъ, насильно занявшій Смоленскъ и страшно опустошившій его, былъ вытѣсненъ оттуда смоленскою земщиною, и, вѣроятно бѣжавши оттуда въ Полоцкъ, снова подступилъ къ Смоленску съ Литвою. „Разсказы изъ р. ист." Бѣляева. Стр. 330.

няне, подобно новгородцамъ, были вольны въ своихъ князьяхъ и избирали, кого хотѣли; только они добровольно ограничили это право вольнаго избранія однимъ родомъ Ростиславичей, подобно тому, какъ Полоцкіе земскіе люди первоначально могли себѣ избирать князей изъ одного племени Изяславичей, потомковъ Рогволда Полоцкаго. Впрочемъ участіе смоленскихъ земцевъ въ княжескихъ дѣлахъ обнаружилось не въ однихъ враждебныхъ столкновеніяхъ съ князьями, а гораздо болѣе въ общихъ дружныхъ дѣйствіяхъ съ ними. Уже Ростиславъ Мстиславичъ на приглашеніе князей занять Кіевъ отвѣчалъ посольствомъ, копорое должно было договориться объ условіяхъ, на какихъ они принимаютъ его на Кіевское княженіе; въ этомъ посольствѣ находились отъ смолнянъ мужъ Иванъ Ручечникъ, да отъ новгородцевъ Якунъ 1). Здѣсь Ростиславъ занимаетъ Кіевъ очевидно съ совѣта смолнянъ. Съ теченіемъ времени смоленскіе земцы еще тѣснѣе примыкаютъ къ своему князю, образуя во кругъ него постоянную дружину, которая участвуетъ во всѣхъ его походахъ; самое имя „дружины“ изчезаетъ изъ лѣтописныхъ сказаній и замѣняется общимъ выраженіемъ „смолняне“. Въ войнахъ Андрея Боголюбскаго противъ Новгорода и Кіева уоплинаются вообще смолняне съ своимъ княземъ (Романомъ) 2); Давыдъ Ростиславичъ (1180—1197) въ войнахъ съ полочанами и черниговскими князьями дѣйствуетъ вмѣстѣ съ смоленскими войсками 3); въ липецкой битвѣ съ Ярославомъ Суздальскимъ смолняне самымъ энергическимъ образомъ заявили свое участіе въ дѣлахъ своихъ князей и даже въ интересахъ чужихъ областей 4). И такихъ примѣровъ по лѣтописямъ очень много.

— Но если смоленскіе земцы оказывали содѣйствіе и помощь своимъ князьямъ въ нужныхъ для нихъ случаяхъ, то и сами князья естественно дорожили ихъ расположеніемъ и старались жить въ согласіи съ народомъ.

— Отношенія князя и вѣча будутъ для насъ яснѣе, когда мы

---

1) Ипат. л. 1159 г.

2) Новг. л. 1167 г. Воскр. л. 1169. 1 Новг. л. 1168 г. Лавр. л. 1168 г. Ипат. л. 1170—1171 г. Воскр. л. 1170 г.

3) Новг. 1. л. 1185 г. Восвр. л. 1186 г. Ипат. л., Нов. 1. л. 1195 г. Лавр. Воскр. л. 1196 г.

4) Новг. 1. л 1216 г.

разсмотримъ другія области внутренней жизни въ смоленской землѣ.

Главному вѣчу въ Смоленскѣ 1) подчинены были вѣка въ смоленскихъ пригородахъ; 2) они обязаны были слушаться рѣшеній смоленскаго вѣча: „на что старѣйшіи (т. е. вѣча главныхъ городовъ) сдумають, на томъ же пригороды станутъ," говоритъ лѣтописецъ. Къ каждому городу смоленской области приписано было по нѣсколько погостовъ, которые службою и данію тянули къ своему городу. Ростиславова грамота прямо говоритъ о раздѣленіи области на погосты: [3]) „У Вержавлянѣхъ у великихъ 9 погостъ, а въ тыхъ погостѣхъ во всѣхъ сходится дани осмьсотъ гривенъ [4]) и т. д. Въ городахъ для управленія и суда были посадники и тіуны; но не извѣстно, поставлялись ли они однимъ княземъ или при участіи гражданъ. Смоленская земля, въ административномъ отношеніи, дѣлилась во время Ростислава на 40 волостей, или, по нашему, уѣздовъ, съ которыхъ шло до 12-ти видовъ княжескихъ доходовъ ([5]).

Судомъ распоряжался князь съ своими тіунама и намѣстниками [6]); но рядомъ съ княжескимъ судомъ существовалъ еще

1) Время построенія Смоленска неизвѣстно; но вѣроятно относится къ очень древнему періоду. Несторъ уже знаетъ его главнымъ городомъ Кривичей (Лавр. л. стр. 5), а это племя жило въ верховьяхъ Двины, Днѣпра и Волги задолго до пришествія Рюрика. О древности его поселенія въ этой странѣ свидѣтельствуетъ то, что Кривичи, будучи первоначально выселенцами полочанъ (ibid.), ко времени Рюрика до того возрасли и умножились, что заслонили собою своихъ родоначальниковъ, полочанъ, которыхъ Несторъ уже называетъ Кривичами, по господствующему племени. Основываясь на этомъ, построеніе Смоленска надобно отнести къ очень давнему, до—историческому времени.

2) О городахъ Смоленскаго княжества см. „Изслѣдов. и лекціи" Погод. т. IV.

3) Дѣленіе на погосты и зависимость погостовъ отъ городовъ (или пригородовъ) есть, какъ извѣстно, признакъ общиннаго устройства. См. наприм. „Русск. народъ и государство". Лешкова. М. 1858 г. стр. 111—114.

4) Другое техническое выраженіе для обозначенія мѣстечекъ отъ пригородовъ было „погородіе": „а се погородіе отъ Мстиславля 6 гривенъ", сказано въ той же грамотѣ.

5) „Разсказы изъ р. ист." Бѣл. с. 213.

6) У тіуновъ въ свою очередь находились въ распоряженіи

земскій или общинный судъ. „Русину же не лзѣ позвати Немчича на опчій судъ, развѣ на смоленьского князя,“ читаемъ въ договорѣ съ Нѣмцами 1229 г. Въ судѣ княжескомъ, кромѣ бояръ или дружинниковъ, участвовали также земскіе люди, или выборные изъ народа. Въ томъ же памятникѣ сказано: „которое орудіе (тяжа) окончено будетъ у Смоленьскѣ межю Русью и межю латиньскимъ языкомъ, предъ судьями и предъ добрыми людьми (вар. „или у князя, или у тіуна, или урядили будутъ добрые мужи“) болѣ того не починати у Ризѣ и на Гочкомъ березѣ.“ Здѣсь добрые люди или мужи, т. е. смоленскіе земцы, ясно различаются отъ княжескихъ людей или судей, тіуновъ. Для суда съ иностранцами требовались свидѣтели и изъ русскихъ, и изъ иностранцевъ. Въ сомнительныхъ случаяхъ, когда тяжущіяся стороны не могли порѣшиться обыкновеннымъ судомъ (чрезъ княжескихъ тіуновъ или чрезъ выборныхъ отъ общины), допускался судебный поединокъ или же испытаніе посредствомъ раскаленнаго желѣза; но то и другое строго воспрещалось по отношенію къ иноземнымъ гостямъ. Купеческое сословіе, или правые купцы, имѣли свой судъ и управу, независимо отъ княжескаго суда. Жители погостовъ и мѣстечекъ тянули судомъ и управою, такъ же какъ и податями, къ своимъ городамъ.

Съ суда въ пользу князя и княжескихъ чиновниковъ шли пошлины, которыя назывались „продажами“ и „вирами“. Другіе княжескіе доходы состояли изъ обыкновенной подати, которая взималась, по раскладкѣ, съ погостовъ,—изъ полюдья и почестья 1), изъ пошлинъ съ различныхъ промысловъ и ремеслъ, какъ наприм. торговой или гостинной дани въ разныхъ ея видахъ—передмѣръ, перевозъ, корчмиты; дань съ ремесленниковъ, наприм. съ золотыхъ дѣлъ мастеровъ и проч.

„дѣтскіе“, которые представляли собою нѣчто въ родѣ нынѣшнихъ полицейскихъ чиновниковъ; тіунъ наприм. отдавалъ дѣтскому подъ надзоръ должника, пока онъ не выплатитъ своего долга.—Догов. 1229 г.

1) А се погородіе отъ Мстиславля 6 гривенъ урока, а почестья гривна и три лисици; а се отъ копосы 6 гривенъ урока и двѣ лисици, а почестья 35 кунъ: „Д. А. и 1, с. 8.

2) „Аще латиньскій дастъ серебро пожигати, дати ему отъ гривны серебра куна смоленская“. Р.-лив. Акты. Стр. 436.

Ростиславова грамота знакомитъ насъ съ весьма любопытною чертою, составляющею особенность того времени сравнительно съ прежнимъ: это—точное опредѣленіе княжескихъ доходовъ, собираемыхъ съ извѣстной области или округа: „у Вержавлянѣхъ у великихъ 800 гривенъ, а въ Жижци дани 130 гривенъ, на Путтинѣ присно платятъ 4 гривны" и т. д., такъ что князьямъ заранѣе уже было извѣстно, какая волость, какое мѣстечко сколько приноситъ доходу 1). Это весьма важный шагъ впередъ въ исторіи развитія и опредѣленія отношеній правительственной власти къ областному населенію.

— Но что особенно замѣчательно въ грамотѣ, такъ это то, что изъ нея мы видимъ, что не только обычная подать съ дворовъ уплачивалась въ княжескую казну въ опредѣленномъ количествѣ, но даже такія денежныя повинности, количества которыхъ заранѣе нельзя было опредѣлить, наприм. пошлины съ уголовнаго суда, гостинныя дани, могли быть уплачиваемы тоже по напередъ составленной росписи. Такъ въ одномъ мѣстѣ грамоты сказано: Дѣдичи (мѣстечко, а въ немъ сходится) и дань и „вира" 15 гривенъ, „гость" (торговая пошлина) 7 гривенъ, а изъ того святѣй Богородици и епископу три гривны безъ семи ногатъ." Это значитъ, что князья отдавали свои доходы въ завѣдываніе общинъ, такъ что отдѣльныя общины сами уже распоряжались сборомъ даней и разныхъ пошлинъ и высылали ихъ князю въ условленномъ напередъ количествѣ.

Въ такомъ именно смыслѣ нужно, кажется, понимать распредѣленіе по погостамъ судныхъ и торговыхъ пошлинъ.

Весьма важны слѣдствія, какія вытекаютъ отсюда для характеристики княжеской и земской власти. Получая судныя и уголовныя пошлины въ опредѣленномъ количествѣ прямо отъ общины, князь чрезъ это самое какъ бы отстранялъ себя отъ

1) Количество даней бывало впрочемъ не всегда одинаковое; оно могло уменьшаться отъ раззоренія области войною или физическими бѣдствіями. Въ такомъ случаѣ князья лишались части своихъ доходовъ, которая, какъ видно, не зачиталась въ недоимки. „Се же нынѣ съ Божьею помощью и со святою Богородицею, въ си дни полны дани, а по семъ что Богъ устроитъ: по Божью строю чи которая дань оскудѣетъ, или ратью, или коимъ образомъ, посилѣ что почнетъ давати тыи дани, а изъ того десятина святѣй Богородици", сказано въ грамотѣ.

вмѣшательства въ судебныя дѣла, которыя такимъ образомъ отходили въ кругъ дѣятельности общиннаго управленія. Слѣдов. въ показаныхъ случаяхъ судъ зависѣлъ уже не отъ князя, а отъ земщины, которая сама могла оправдать и обвинить подсудимаго, помимо князя.

Цифра княжескихъ доходовъ, собираемыхъ въ видѣ подати и разныхъ пошлинъ съ смоленскаго княжества, представляется весьма почтенною: однихъ доходовъ, обозначенныхъ въ грамотѣ, насчитывается 3150 гривенъ, или до 555 фунтовъ по вѣсу. [1]) Если вспомнимъ, что въ грамотѣ обозначены не всѣ доходы (сюда не вошли наприм. полюдье, вира и продажа, отъ которыхъ епископъ не пользовался десятиною), то надобно допустить, что экономическое состояніе смоленской области въ описываемое время было очень удовлетворительно, не смотря на скудость естественныхъ произведеній въ краѣ.

Итакъ вкороткѣ мы разсмотрѣли характеръ церковнаго и свѣтскаго управленія въ смоленскомъ княжествѣ, ознакомились съ судебною сферою и съ экономическимъ состояніемъ области: вездѣ—и въ администраціи, и въ судѣ, и въ финансовомъ управленіи—мы видѣли на ряду съ княжескою властію присутствіе земскаго или общественнаго элемента. Князья волей-неволей должны были мириться съ этою новою силой народнаго вмѣшательства въ дѣла областнаго управленія, которая становилась поперегъ ихъ единоличной власти; въ нужныхъ случаяхъ они сами опирались на народъ, который вмѣстѣ служилъ опорою для своихъ князей во враждебныхъ столкновеніяхъ съ другими русскими князьями. Такимъ образомъ если народъ принималъ дѣятельное участіе во внутренней политикѣ княжества, то естественно, что это не должно остаться безъ вліянія и на внѣшнюю политику князей. И во—первыхъ, это должно было имѣть вліяніе на нравственное воспитаніе и на характеръ князей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на складъ ихъ политическихъ воззрѣній, и на политику княжескихъ дѣйствій. Смоленское княжество сплошь населено было славянскимъ племенемъ; [2]) кромѣ того

1) Погодинъ: „Изслѣдов....“ VII. 19. Бѣляевъ: ibid. с. 213.

2) Самое многолюдное племя въ смоленской области были кривичи; кромѣ ихъ по Сожѣ и Деснѣ жили Радимичи, по Угрѣ и Протвѣ—Голядь, одноплеменники Литвы; они занимали не большой уголокъ земли. Ист. Рос. 1, 44—48.

оно со всѣхъ сторонъ и окружено было славянскими же землями, Извѣстно, что частая или постоянная борьба съ враждебными сосѣдями весьма сильно располагаетъ къ сосредоточенію власти въ одномъ лицѣ; по этому для смоленской области, которая, вообще говоря до послѣдняго времени не испытывала серьезной борьбы съ инородческимъ элементомъ (до 13-го вѣка), одинъ весьма сильный поводъ къ возвышенію княжеской власти на счетъ народныхъ вольностей совершенно устранялся. Князья, сдерживаемые въ своихъ властительскихъ притязаніяхъ общиннымъ самоуправленіемъ волостей, естественно и сами привыкали смотрѣть на участіе народа въ княжескихъ дѣлахъ, какъ на нѣчто неизбѣжное и вполнѣ законное. Притомъ они знали, что это участіе выгодно даже въ собственныхъ ихъ интересахъ; потому что народъ не покидалъ своихъ князей, которые умѣли съ нимъ ладить, даже во время частныхъ войнъ ихъ съ другими князьями за княжескую честь и за право владѣнія какою нибудь волостію. Естественно, что когда борьба между князьями сосредоточится на вопросѣ о томъ, должна ли быть въ Россіи самодержавная власть или прежніе вѣчевые порядки, признающіе за народомъ право вмѣшательства въ княжескія дѣла и въ администрацію, то бойцами за принципъ вѣчевыхъ учрежденій явятся тѣ князья, которые воспитались въ духѣ этихъ учрежденій и привыкли видѣть въ нихъ и собственную пользу. Вотъ, по нашему мнѣнію, объясненіе того, почему, послѣ того какъ въ борьбѣ съ суздальскими князьями за первенство сѣверо-восточной Руси надъ югозападною и за господство самодержавія въ русской землѣ испытали пораженіе Кіевъ съ Волынью и Новгородъ, на сцену выдвигается Смоленскъ, и его князья, знаменитые Мстиславы, становятся во главѣ южной Руси поборниками вѣчеваго начала. Конечно, Смоленскъ и безъ того долженъ былъ примкнуть къ Кіевской Руси, потому что уже по физическимъ вліяніямъ онъ долженъ былъ сильнѣе тянуть къ Новгороду и Кіеву, чѣмъ къ Суздалю; но и нравственный мотивъ, руководствовавшій князьями, которые считали Смоленскъ своею отчиною, не долженъ быть совершенно опускаемъ изъ вниманія, при объясненіи историческихъ явленій.

Касаясь внѣшней исторіи смоленскаго княжества, мы не будемъ слѣдить шагъ за шагомъ за всѣми мелкими событіями, связанными съ именемъ Смоленска, а только въ общемъ очеркѣ укажемъ на болѣе крупныя и характеристичныя изъ нихъ, такъ чтобы при свѣтѣ такихъ событій, можно было подмѣтить особенности въ исторіи Смоленска, сравнительно съ историческимъ движеніемъ въ другихъ русскихъ областяхъ, и уловить особенныя задачи, достигаемыя этою исторіею, или, что тоже, понять значеніе Смоленска въ русской исторіи. Поэтому мы совсѣмъ даже опускаемъ очень длинный періодъ первоначальной исторіи Смоленска, продолжающійся почти на два столѣтія, именно отъ начала: русской исторіи до смерти Ярослава I (отъ 862 до 1054 г.); потому что означенный періодъ не представляетъ сколько нибудь замѣчательныхъ фактовъ историческаго движенія въ смоленской области, объясняющихъ предположенную нами задачу (не говоримъ уже о томъ, что вообще за это время фактовъ, записанныхъ лѣтописцами, для исторіи, Смоленска чрезвычайно мало. „ „ „

Лѣтописи, до прибытія Рюрика съ братьями, не говорятъ ни о какихъ князьяхъ въ племени смоленскихъ Кривичей; въ это время въ смоленской области, при ея общинномъ устройствѣ, было одно правленіе—народное или вѣчевое. Смо-

ленскъ оставался независимою отъ князей волостію до взятія его Олегомъ (до 882 г.). По смерти своихъ братьевъ, Рюрикъ началъ раздавать мужамъ своимъ города, между которыми упоминаются даже Полотскъ и отдаленный Ростовъ, но о Смоленскѣ, обладаніе которымъ должно бы быть весьма важнымъ для Рюрика, совсѣмъ умолчано. Архангельскій лѣтописецъ, сказавши о походѣ Аскольда и Дира подъ Кіевъ, прибавляетъ, что Аскольдъ и Диръ плыли Днѣпромъ мимо Смоленска и не смѣли войти въ сей городъ великій и многолюдный 1). Ни о посадникахъ, ни о какомъ нибудь подчиненіи Смолнянъ здѣсь нѣтъ рѣчи, тогда какъ наприм. о Кіевѣ сказано, что онъ платилъ дань козарамъ. Со времени Олега рядомъ съ властію вѣча выдвигается въ Смоленскѣ власть князя, или посадниковъ, которыхъ назначаетъ князь. Смоленскія владѣнія тогда уже ограничены были съ сѣвера и запада новгородскою землею и полоцкимъ княжествомъ. Владиміръ, по извѣстію никоновской лѣтописи, посадилъ въ Смоленскѣ сына своего Станислава (989 г.); но это извѣстіе не подтверждается другими лѣтописями, равно какъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній о дѣятельности Станислава въ Смоленскѣ. Но во всякомъ случаѣ оба эти событія, т. е. занятіе Смоленска Олегомъ и посаженіе въ немъ Владиміромъ своего сына, выражаютъ одно: особенную заботливость князей о томъ, чтобы держать Смоленскъ въ непосредственномъ подчиненіи у себя, или въ зависимости отъ кіевскаго стола. Это совершенно понятно, если припомнимъ, какое важное положеніе занималъ Смоленскъ для стратегики; онъ служилъ точкою опоры для вліянія княжеской власти на сосѣднія племена и области— новгородскую, полоцкую и ростовскую. Затѣмъ еще встрѣчаемъ извѣстіе о Смоленскѣ подъ 1015 въ разсказѣ о убіеніи князя Глѣба. Лѣтописецъ повѣствуетъ, что когда мѣсто, гдѣ лежало тѣло князя, ознаменовано было чудесами, то смоленскіе жители вспомнили о страдальцѣ и перенесли тѣло его въ городъ въ сопровожденіи священниковъ съ крестами (Никон. Л. 1015 г.). Это извѣстіе указываетъ на то, что въ Смоленскѣ тогда уже было насаждено христіанство, хотя о введеніи его въ томъ краѣ лѣтописи ничего не разсказываютъ .Такимъ обра-

---

1) Ист. Г. Рос. 1, прим. 582.

зомъ все, что можно сказать на основаніи приведенныхъ извѣстій, сводится къ одному, а именно, что Смоленскъ до 1054 г. находился въ непосредственной зависимости отъ кіевскихъ князей, составляя сѣверную оконечность власти Руссовъ, зависѣвшихъ отъ Кіева.

Точно также мы въ немногихъ словахъ скажемъ о первыхъ временахъ смоленскаго княжества, отъ начала его отдѣльной исторіи (до 1127 г.) до начала княженія въ Смоленскѣ Ростислава Мстиславича. Въ это время Смоленскъ хотя имѣетъ отдѣльную исторію съ своими собственными князьями, но во 1-хъ князья не непрерывно жили въ Смоленскѣ, и смоленское княжество управлялось иногда изъ другой области, какъ было нпр. при Владимірѣ Мономахѣ, который имѣлъ свой столъ въ Переяславлѣ, часто продолжалъ бывать по дѣламъ управленія и въ Смоленскѣ, а во 2-хъ Смоленскъ находился въ полной зависимости вообще отъ князей Рюриковичей. Сюда назначались князья и выводились въ другія волости обыкновенно при участіи и подъ непосредственнымъ распоряженіемъ другихъ князей родичей [1]), такъ что наприм. исторія этого времени не представляетъ ни одного факта вмѣшательства земщины въ княжескія дѣла, въ посаженіи князей на столъ или въ перемѣщеніи ихъ въ другую область. Послѣ любечскаго съѣзда (1100 г.) Смоленскъ, какъ отчинный городъ назначенъ былъ Мономаху, въ племени котораго онъ и остался навсегда.

Въ періодъ времени отъ 1054 г. до Ростислава Мстиславича Смоленскъ имѣлъ враждебныя столкновенія особенно съ полоцкими князьями. Въ 1066 г. трое Ростиславичей; Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ пошли войною на Всеслава Брячиславича полоцкаго и побѣдили его на рѣкѣ Нѣмизѣ. Послѣ того князья сошлись у Смоленска и, зазвавши сюда Всеслава, обманомъ схватили его и заключили въ Кіевѣ. Здѣсь любопытно то, что князья пользуются выгодною позиціею Смоленска для вліянія на Всеслава, побѣду надъ которымъ они, какъ видно, не считали надежною для упроченія общаго мира [2]). Но Всеславъ не смирился: освободившись изъ зато-

1) См. біографіи князей въ VI томѣ „Изслѣдованій и лекцій“ Погодина.

2) Лавр. л. 6574 г.; I Новг. л. 6575 г.

ченія, онъ снова началъ свои опустошительные набѣги на сосѣднія русскія владѣнія, и въ одинъ изъ такихъ набѣговъ сжегъ Смоленскъ 1). Мономахъ, услышавъ объ этомъ, погнался за нимъ изъ Чернигова; но не заставъ Всеслава въ Смоленскѣ, въ отмщеніе разорилъ часть полоцкой области.

Объ отношеніяхъ Смоленска къ Новгороду имѣемъ одно извѣстіе за означенное время [2]). Давидъ Святославичъ, новгородскій князь (бывшій сначала княземъ въ Смоленскѣ), отправившись въ 1095 году къ Смоленску, не былъ опять принятъ новгородцами, которые призвали Мстислава Владиміровича изъ Ростова, и остался въ Смоленскѣ. Можно бы ожидать, что Давидъ будетъ мстить Новгородцамъ за непріязнь къ себѣ, но лѣтописи объ этомъ не говорятъ. Это обстоятельство даетъ поводъ къ тому заключенію, что смолняне не захотѣли разрывать съ Новгородомъ изъ-за обиды князя и, можетъ быть, убѣдили его самого отложить свою непріязнь къ Новгородцамъ. Во всякомъ случаѣ мы должны допустить, что отношенія Смолнянъ къ Новгородцамъ въ этотъ періодъ были мирныя.

Но собственно отдѣльная исторія смоленскаго княжества должна начинаться со времени Ростислава Мстиславича. Съ него Смоленскъ получаетъ себѣ отчинныхъ князей въ его племени и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаетъ болѣе прочное положеніе своей земщины, которая со времени Ростислава Мстиславича начинаетъ принимать весьма видное участіе въ княжескихъ дѣлахъ и въ политикѣ.

При самомъ началѣ княженія Ростислава, въ Смоленскѣ случилось событіе, которое имѣло большое вліяніе на исторію всей Россіи тогдашняго времени и особенно на исторію полоцкаго и смоленскаго княжествъ: мы разумѣемъ знаменитые походы Мстислава кіевскаго въ союзѣ съ другими русскими князьями на полоцкихъ князей [3]). Походы Мстислава вывели полоцкую землю изъ того отчужденія, въ которомъ она была въ прежнее время. Полоцкіе князья вступили въ болѣе тѣсныя сношенія съ приднѣпровскими князьями, стали прибѣгать къ ихъ помощи въ спорахъ между собою, такъ что съ этого времени ни одно меж

1) Лавр. л. стр. 103.
2) I Новг. л. 6603 г.; Лавр. л. 6603 г.
3) Ист. Гос. Рос. 11, 193—194. Изд. Эйнерлинга.

доусобіе полоцкихъ князей не обходилось безъ участія кіевскихъ, черниговскихъ или смоленскихъ князей, а на оборотъ и Полочане и ихъ князья, время отъ времени, вмѣшивались въ междоусобія сосѣднихъ приднѣпровскихъ князей 1).

Но для насъ собственно важно знать, какъ повліяло это событіе на отношенія смоленскаго княжества къ полоцкому?—Съ Смоленскомъ, Полоцкіе князья естественно завязали еще болѣе тѣсныя связи, чѣмъ съ другими княжествами, потому что Смоленскъ, по своему географическому положенію, тѣснѣе всѣхъ другихъ примыкалъ къ полоцкому княжеству.

Они стали вступать въ родство съ смоленскими князьями, и съ этого времени полоцкая земля поступаетъ подъ покровительство смоленскихъ князей, которые не опускаютъ случая вмѣшиваться въ дѣла этого княжества, разумѣется, въ виду собственныхъ интересовъ. Такъ уже Ростиславъ Мстиславичъ за помощь, оказанную Рогволду въ борьбѣ его съ другими князьями полоцкими, получилъ отъ него Витебскъ и другіе пограничные съ Смоленскомъ города, и хотя Витебскъ не разъ опять отходилъ къ полоцкимъ владѣніямъ, но наконецъ поступилъ въ совершенную зависимость отъ смоленскихъ князей. Въ другой разъ когда Мстиславъ Ростиславичъ съ Новгородцами шелъ воевать въ полоцкихъ владѣніяхъ (1178 г.), то Романъ Ростиславичъ, смоленскій князь, заступился за своего зятя, полоцкаго князя Всеслава Васильковича, и уговорилъ Мстислава съ Новгородцами воротиться назадъ. Однако полоцкіе князья не всегда оставались вѣрными своему союзу съ смоленскими князьями. По смерти Романа, полоцкіе князья Всеславъ и Брячиславъ Васильковичи и еще четверо ихъ союзниковъ отступили отъ союза съ Смоленскомъ и передались черниговскимъ князьямъ и, во время ихъ войны съ смоленскими князьями, привели къ нимъ на помощь Литву и Ливь. Этотъ переходъ полоцкихъ князей къ черниговскимъ, лѣтъ черезъ пять (именно въ 1186 г.) произвелъ войну Давида смоленскаго съ полоцкими князьями. Давидъ вооружилъ Смолнянъ и Новгородцевъ и, соединившись съ двумя полоцкими князьями, своими союзниками, пошелъ на полоцкую землю. Впрочемъ полочане поспѣшили заключить миръ,

---

1) Бѣляевъ: Очеркъ ист. сѣверозап. края. Стр. 12.

обѣщая держаться смоленскихъ князей, а не черниговскихъ. Однако въ 1195 г. полоцкіе князья опять были на сторонѣ черниговскихъ. Такая ихъ непослѣдовательность очевидно еще болѣе вредила собственнымъ интересамъ ихъ, отталкивая тѣхъ, которые хотѣли союза съ ними.

Но смоленская опека не дешево стоила Полочанамъ и ихъ князьямъ, изъ дома Святослава Всеславича. Они во 1-хъ окончательно должны были уступить смоленскимъ князьямъ важный полоцкій городъ, Витебскъ (Ок. 1178 г.), владѣніе которымъ давало Смолнянамъ открытую дорогу въ Полоцкъ (потому что Витебскъ, по своему положенію на Двинѣ, служитъ какъ бы передовою крѣпостію для Полоцка). Потомъ, вслѣдствіе этой опеки, Полочане и ихъ князья волей неволей должны были принимать участіе въ междоусобіяхъ смоленскихъ князей и поэтому подвергаться нападеніямъ сосѣдей, которые были въ войнѣ съ Смолнянами [1]). Наконецъ,—и это самое важное,—полоцкіе князья, поступивъ въ опеку къ смоленскимъ князьямъ, тѣмъ самымъ отдѣлились отъ другихъ князей полоцкой земли и стали къ нимъ во враждебныя отношенія, (а другіе князья полоцкіе вступили въ союзъ съ черниговскими князьями, враждебными Смоленску [2]). Такимъ образомъ запутались дѣла въ полоцкой области ко вреду ея самой и къ выгодѣ Смоленска. Послѣдствія этого положенія дѣлъ были таковы, что въ договорѣ съ нѣмцами 1229 г. Полоцкъ и Витебскъ представляются зависимыми отъ смоленскаго князя, хотя имѣютъ еще и собственныхъ князей.

Чтобы еще нагляднѣе видѣть, какія вліянія двигали исторіею смоленскаго княжества и сообщили ей особенный мѣстный колоритъ, мы начнемъ опять съ первоначальныхъ фактовъ вообще въ исторіи первыхъ гражданскихъ обществъ, именно съ вліянія физическихъ условій на духовную жизнь племенъ. По этому воззрѣнію, значеніе Смоленска въ политической исторіи

---

1) Наприм. Новг. 1 л. подъ 1168 г. говоритъ: „ходиша Новгородци (бывшіе тогда во враждѣ съ Смоленскомъ) съ Пльсковци къ Полотьску, и пожогше волость возвратишася отъ града за 30 верстъ“.... и проч.

2) Бѣляевъ: „Разсказы изъ рус. и ст.стр. 334—336.—„Очеркъ ист. сѣверозап. края. Его же. Стр. 42.

Россіи условливалось самымъ географическимъ положеніемъ смоленскаго княжества.

Смоленская область, какъ извѣстно, обнимала верховья рѣкъ Волги, Днѣпра и Двины, т. е. она лежала въ самомъ центрѣ главныхъ водяныхъ сообщеній древней Россіи и, прибавимъ, въ центрѣ русскихъ областей, потому что ближайшимъ образомъ окружена была со всѣхъ сторонъ славянскимъ же населеніемъ. Такимъ образомъ, теченія рѣкъ, выходящихъ изъ области смоленской и идущихъ на громадномъ протяженіи во всѣ концы Россіи, указывали для Смоленска естественные пути сношеній со всѣми русскими областями и ставили его въ неразрывную связь со всею Русью, какъ на оборотъ всю Русь ставили въ нѣкоторую зависимость отъ Смоленска, по чрезвычайной важности его положенія въ стратегическомъ и промышленномъ отношеніи Ближайшимъ образомъ Смоленскъ примыкалъ, какъ извѣтно, къ области верхней Волги, или ростовско-суздальской, къ области днѣпровской или кіевской Руси,—западно-двинской, или области Кривичей полоцкихъ, наконецъ къ области ильменско-волховской, или къ землѣ Новгородскихъ Славянъ, которые не иначе могли входить въ сношенія съ собственною Русью или днѣпровскою областію, какъ чрезъ посредство смоленскихъ владѣній. Естественно поэтому выходило, что когда какая нибудь область, по сосѣдству съ Смоленскомъ, становилась сценою важныхъ политическихъ событій, что смоленскіе князья принимали въ нихъ непосредственное и дѣятельное участіе. А такъ какъ важнѣйшее явленіе политической исторіи древней Руси составляютъ княжескія усобицы внутри государства, къ которымъ въ послѣдствіи присоединилась взаимная борьба цѣлыхъ областей или княжествъ, то смоленскіе князья обыкновенно принимали участіе въ политическихъ дѣлахъ Россіи въ качествѣ союзниковъ или враговъ которой нибудь изъ враждующихъ сторонъ. Но при этомъ политика смоленскихъ князей не была постоянно послѣдовательною и, по видимому, не вытекала изъ какого нибудь прочнаго и опредѣленнаго политическаго принципа; она мѣнялась, смотря по обстоятельствамъ. Это, какъ увидимъ, также стояло не внѣ связи съ особенными мѣстными условіями въ географическомъ положеніи смоленскаго княжества. Естественными союзниками для смоленскихъ князей были

великіе кіевскіе князья, потому что самое естественное тяготѣніе для Смоленска было тяготѣніе къ Кіеву, съ которымъ Смоленскъ связанъ былъ одинаковою рѣчною системою; къ этому надобно прибавить еще то, что Кіевъ большею частію оставался за Мономаховичами съ которыми смоленскіе князья, Ростиславичи, были весьма близкіе родственники, а не рѣдко переходилъ къ прямымъ потомкамъ Ростислива Мстиславича, смоленскимъ же князьямъ 1). Но когда въ самомъ племени Мономаховомъ произошелъ раздоръ между прямыми потомками Владиміра Мономаха отъ старшаго сына его, Мстислава, и суздальскими князьями, изъ рода Юрія Долгорукаго, и когда возрастающее могущество суздальскихъ князей стало оказывать чрезвычайное вліяніе на теченіе политическихъ дѣлъ внутри Россіи, то смоленскіе князья, преемники Ростислава Мстиславича, волей—неволей примыкаютъ къ союзу съ суздальскими князьями, и враждебно дѣйствуютъ противъ Кіева и Новгорода. Эта колебательность въ политикѣ смоленскихъ князей въ извѣстной степени зависѣла также отъ особенныхъ условій положенія смоленскаго княжества между русскими областями, такъ что если съ одной стороны Смоленскъ держалъ въ зависимости отъ себя и отъ южныхъ князей сосѣднія съ нимъ земли, занимая весьма важное по отношенію къ нимъ стратегическое положеніе, то съ другой стороны сосѣднія области производили всѣ вмѣстѣ еще большее давленіе на смоленское княжество и взаимно держали его отъ себя въ сильнѣйшей зависимости.

Весьма важны слѣдствія, которые вытекаютъ отсюда для исторіи собственно смоленскаго княжества и для той роли, какая должна принадлежать ему вообще въ политической исторіи древней Руси. И во-первыхъ, Смоленскъ никогда не могъ возвыситься до господствующаго положенія между русскими княжествами, а только могъ занимать между ними полунезависимое положеніе; смоленскіе владѣтели постоянно рисковали быть орудіемъ въ рукахъ сильнѣйшихъ сосѣднихъ князей—сначала кіевскихъ, которые чрезъ нихъ держали въ подчиненіи новго-

---

1) Кіевскими князьями впослѣдствіи были: Ростиславъ Мстиславичъ, сынъ его Романъ и внукъ Мстиславъ Романовичъ, далѣе Володиміръ Рюриковичъ,—занимавшіе сначала смоленскій столъ.

одскую и полоцкую земли, а потомъ суздальскихъ. По физическимъ условіямъ того края, въ которомъ лежалъ Смоленскъ, онъ не могъ совершенно выдѣлиться изъ общаго государственнаго единства и составить изъ себя отдѣльное политическое цѣлое, особую самостоятельную область, съ сильною государственною властію; скажемъ болѣе: даже сепаративныя стремленія должны обнаружиться въ населеніи смоленскаго княжества въ меньшей степени, чѣмъ въ другихъ русскихъ областяхъ, наприм. въ галицкомъ княжествѣ или въ новгородской землѣ. Хотя Ростиславъ Мстиславичъ положилъ начало отдѣльному существованію смоленскаго княжества и даже успѣлъ сообщить ему нѣкоторый политическій блескъ, особенно благодаря ослабленію сосѣднихъ полоцкихъ владѣтелей и удачной политикѣ его съ князьями южной Руси; однако уже при сынѣ его Романѣ обнаружилась политическая слабость и несостоятельность смоленскаго княжества въ томъ, что Андрей Боголюбскій ведетъ смоленскаго князя, Романа Ростиславича, войною противъ Новгорода и Кіева, принуждаетъ его вооружиться противъ своихъ же братьевъ, князей южной Руси [1]). Что это не было случайностію, временно вызванною могуществомъ суздальскаго князя, а имѣло болѣе глубокія основанія въ топографическихъ и этнографическихъ условіяхъ смоленскаго княжества, то можетъ быть подтверждено всею системою дѣйствій Ростислава Мстиславича, когда онъ былъ еще смоленскимъ княземъ. Большую часть княженія онъ проводилъ во внѣшней дѣятельности, въ борьбѣ съ суздальскими князьями за Кіевъ, съ полоцкими и черниговскими и даже галицкими; ему не чужды были и другіе вопросы внутренней политики Россіи: онъ наприм. посылаетъ вмѣстѣ съ прочими князьями посла о выдачѣ Берладника -ъ великому князю Изяславу Давидовичу [2]), вмѣшивается въ дѣло о поставленіи кіевскаго митрополита, т. е. принимаетъ участіе въ церковныхъ вопросахъ, имѣющихъ отношеніе ко всей

1) Ипат. л. 1174 г. „Идущимъ же имъ (войскамъ Андрея Боголюбскаго) мимо Смоленскъ, казалъ бо бяшеть Романови пустити сынъ свой Смолняны, тако Романъ нужею пусти сынъ свой Смолняны на братью".

2) См. біографію Ростислава Мстиславича по лѣтописнымъ извѣстіямъ въ VI т. „Изслѣдованій Погодина, стр. 141—1

Руси, такъ какъ кіевскій митрополитъ былъ главою всей русской церкви. И такъ кругъ Ростиславовой дѣятельности переходитъ за предѣлы областныхъ интересовъ, попечительности о благоустройствѣ и возвышеніи могущества своего княжества; Ростиславъ слѣдитъ за ходомъ событій въ цѣлой Россіи, заботится объ умиротвореніи государства, такъ что мѣстныя задачи смоленскаго княжества обращаютъ на себя его вниманіе не болѣе, чѣмъ наприм. то, чтобы Кіевъ не оставался во власти суздальскихъ князей; это князь столько же отдѣльной волости, сколько князь вообще русской земли, потому что онъ одинаково считаетъ нужнымъ устроять дѣла не только въ своемъ княжествѣ, но и въ цѣлой Руси.

Такъ смотрятъ на него и другіе князья: Изяславъ Мстиславичъ поручаетъ ему стеречь русскую землю отъ Юрія (приднѣпровскую Русь); еще болѣе—онъ извѣщаетъ его о своихъ походахъ, въ которыхъ тотъ не участвовалъ, т. е. онъ какъ бы признаетъ за Ростиславомъ дѣйствительное право быть судьею не только въ дѣлахъ своего княжества, но и въ дѣлахъ другихъ русскихъ княжествъ и во взаимныхъ отношеніяхъ князей. А между тѣмъ Ростиславъ Мстиславичъ былъ однимъ изъ наиболѣе любимыхъ Смолнянами князей, чего онъ могъ достигнуть только отвѣчая потребностямъ и задачамъ смоленской земли: (смоленскіе жители особенно показали свою любовь къ нему въ торжественной встрѣчѣ его, когда, не задолго до своей смерти, онъ шелъ чрезъ Смоленскъ въ Новгородъ); значитъ что исторія не судила смоленской области замкнутости въ кругу мѣстныхъ интересовъ жизни, а дала ей болѣе широкую задачу, чѣмъ развитіе сепаративныхъ элементовъ въ исторіи русской государственности.

Отдѣльное смоленское княжество до нашествія Татаръ на Россію существовало, подъ владѣніемъ Ростиславичей, около ста лѣтъ; но во все это время мы не замѣчаемъ, чтобы смоленскіе князья дѣйствовали въ политическихъ дѣлахъ Россіи во имя какого нибудь принципа, имѣвшаго слѣдствіемъ увеличеніе собственнаго могущества и упроченіе политической независимости смоленскаго княжества, или первенство его между другими княжествами. Особенное положеніе обоихъ Мстиславовъ, Мстислава Ростиславича Храбраго и Мстислава Мстиславича Уда-

лаго, стоявшихъ во главѣ историческаго движенія своего времени и заправлявшихъ политическими событіями въ цѣлой Россіи, представляетъ лучшее доказательство сказаннаго. Мы видѣли, что Ростиславъ Мстиславичъ, оставаясь смоленскимъ княземъ, принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ остальной Руси; обстоятельства времени произвели перемѣну и въ этомъ положеніи смоленскихъ князей: постоянное сидѣніе на одномъ столѣ, хотя бы соединенное съ частыми военными походами для защиты другихъ областей и въ помощь какому нибудь князю, стало недостаточною гарантіею для умиротворенія государства и для поддержанія политическаго равновѣсія между русскими княжествами. Мстиславы ведутъ самую подвижную жизнь: они и въ Смоленскѣ, и въ Новгородѣ, и въ кіевской землѣ, и на Волыни непосредственно заправляютъ дѣлами этихъ областей; къ нимъ уже очень мало могутъ быть примѣнены названія смоленскаго, или новгородскаго, или галицкаго князя: это герои русской земли, страдальцы за свою отчину, въ понятіе которой входитъ вся Русь. По мѣсту рожденія, по племени, по почину дѣятельности они смоленскіе князья; но имя смоленскаго сглаживается и замѣняется именемъ Русь во всей послѣдующей ихъ дѣятельности. „Бѣ бо крѣпокъ на рати, всегда бо тосняшеться умрети за русскую землю и за хрестьяны“, такими чертами изображаетъ лѣтописецъ характеръ Мстислава Храбраго, и далѣе: „не бѣ бо тоѣ землѣ въ Руси, которая же его не хотяшеть, ни любяшеть, но всегда бо тосняшеться (тщашеся) на великая дѣла: и (по смерти его) плакася по немъ вся земля русская“ 1). Отсюда можно видѣть и то, какими принципами руководствовался Мстиславъ въ образѣ своихъ дѣйствій: это чисто нравственные, а не политическіе принципы; защитить обиженныхъ, подать руку помощи угнетаемымъ, возстановить правду въ русской землѣ— все равно; въ какомъ бы мѣстѣ она ни нарушалась, и смирить нарушителей ея—вотъ эти общіе принципы. „Братья! ничтоже имѣте во умѣ своемъ“, такими рѣчами Мстиславъ воодушевлялъ къ бою свою дружину: „аще нынѣ умремъ за хрестьяны, то очистивея грѣховъ своихъ и Богъ вмѣнить кровь нашу съ мученикы; ажели Богъ дасть милость, а слава Бо-

1) Ипат. л. 1179 г.

гу; мы бо еще нынѣ (не) умремъ, умремъ же всяко". Конечно уже не болѣе имѣлъ притязаній на верховную власть и на расширеніе могущества своей области Мстиславъ Мстиславичъ Удалый, бывшій княземъ въ Торопцѣ, удѣльномъ городѣ смоленскаго княжества. Онъ велъ еще болѣе подвижную жизнь, чѣмъ отецъ его, дѣйствовалъ въ политическихъ дѣлахъ съ такимъ безкорыстіемъ, что позволилъ отдать на разорѣніе собственную торопецкую волость съ тѣмъ, чтобы дать провіантъ бѣдствующимъ новгородскимъ войскамъ 1). Дѣятельность Мстислава не была привязана къ одному мѣсту; защищая Новгородъ отъ самовластія суздальскихъ князей, дѣйствуя въ кіевской области, заправляя дѣлами галицкой Руси, онъ всюду хотѣлъ возстановлять правду, страдать вообще за русскую землю; его стремленія обнимаютъ всю Русь, а не отдѣльное княжество, или одну область. Но Мстиславъ Удалый, какъ и отецъ его, представляетъ превосходный и въ своемъ родѣ единственный образецъ того, какъ особенныя тонографическія и этнографическія условія смоленской земли воспитывали ея князей, какова долженствовала здѣсь быть нравственная среда, изъ которой они выносили идеалы и принципы своей послѣдующей дѣятельности. Все это весьма полно отразилось въ Мстиславѣ, какъ въ отцѣ, такъ и въ сынѣ, и характеръ и дѣятельность, принципы ихъ дѣятельности, могутъ быть поставлены въ строгое соотвѣтствіе съ физическими и нравственными условіями смоленскаго края и выводимы и объясняемы изъ этихъ условій.

Мы сказали, что Смоленскъ не могъ значительно усилиться на счетъ другихъ сосѣднихъ княжествъ. Если естественное распространеніе территоріальныхъ владѣній для государства, владѣющаго верховьями большихъ рѣкъ, должно слѣдовать внизъ по теченію этихъ рѣкъ, то Смоленскъ относительно физическихъ основъ возрастанія политическаго могущества находился въ весьма неблагопріятныхъ условіяхъ. Здѣсь уже было не просто обиліе естественныхъ средствъ, а избытокъ ихъ, переходившій въ невыгоду для владѣтелей этихъ земель. Занимая сравнительно не обширную территорію 2), на которой мы не имѣемъ основанія

1) Новг. 1. л. 1215 г.

2) Во времена удѣловъ смоленское княжество на сѣверо-за-

допускать очень густаго населенія, для тогдашняго времени смоленское княжество, слѣдуя пути, указанному природою, подвергалось опасности растянуться во всѣ стороны на неопредѣленно большое протяженіе и ослабить центральные пункты. Само собою разумѣется, что пріобрѣтеніе новыхъ земель не могло обходиться безъ борьбы съ сосѣдними владѣтелями; но понятно также, что для успѣха этой борьбы нужно было, кромѣ весьма значительныхъ матеріальныхъ средствъ и большихъ людскихъ силъ, присутствіе уже сильной и окрѣпшей политической власти, дружное дѣйствіе силъ, направляемыхъ одною волею. Не говоримъ уже о томъ, что сосѣдніе владѣтели западной окраины Россіи, полоцкіе князья, сами нуждались для своихъ земель въ русскомъ населеніи и дѣлали нападенія на русскія области между прочимъ съ цѣлію захватывать и переселять къ себѣ тамошнихъ жителей. Такимъ образомъ шаткость политическаго значенія смоленскаго княжества зависѣла съ одной стороны еще отъ того, что называютъ отсутствіемъ естественныхъ границъ для государства; на смоленскомъ княжествѣ въ малыхъ размѣрахъ мы видимъ примѣненіе того принципа территоріальныхъ

падѣ и сѣверо-востокѣ опредѣлялось верховьями Двины, Днѣпра и Волги. Верховье Двины,—это мѣстность между Велижемъ и Суражемъ (Велижъ былъ въ торопецкомъ уѣздѣ смоленскаго княжества), отдѣлявшая смоленское княжество отъ полоцкаго,—потомъ между Ловатью и Торопою, за которымъ начинались псковскія и новгородскія волости. Верховье Волги—мѣстность близъ Ржева, города тверскаго княжества. Верховье Днѣпра—пространство между бѣльскимъ и сычевскимъ уѣздомъ. Далѣе отъ Ржева шла восточная граница, сначала по притокамъ Волги: по верховью Москвы рѣки и по Протвѣ въ можайской области, принадлежавшей смоленскому княжеству,—потомъ, сдвигаясь нѣсколько къ западу, по Угрѣ и ниже между Сожею и Десною. На югѣ смоленское княжество примыкало къ черниговскому. Здѣсь крайнимъ предѣломъ его авторъ „исторіи Россіи“ (1, 17) полагаетъ впаденіе Прони въ Сожъ; но за смоленскимъ княжествомъ упоминаются мѣстности гораздо далѣе Сожи: Пацинп, Рогнѣдино, Сеславль; Сожь занимаетъ самую не значительную сѣверную оконечность рославскаго уѣзда. Поэтому на югѣ границъ нужно искать между Рославлемъ и Брянскомъ. На западѣ, смоленское княжество опредѣлялось теченіемъ Днѣпра по Оршу. Орша принадлежала уже минскому княжеству.—„Историко-статистич. описаніе смол. епархіи“. Стр. 1—3.

государственныхъ владѣній, который послѣ въ обширныхъ размѣрахъ имѣлъ вліяніе въ исторіи русскаго царства и имперіи.

Въ Смоленскѣ князья не пользовались весьма сильною властію, да едва ли она и могла принадлежать имъ. Весьма важно то обстоятельство, что смоленское княжество не только сплошь населено было славянскимъ племенемъ, (исключая горсти Голядей), но и окружено было славянскими же землями. Извѣстно, что борьба съ инородческимъ элементомъ, который вообще въ Россіи былъ по нравственнымъ качествамъ ниже славянскаго (финскія и монгольскія племена и другіе Азіаты), располагаетъ къ господству одного племени надъ другимъ и вызываетъ стремленіе къ сосредоточенію власти въ одномъ лицѣ. Суздальскіе князья стали самодержавными между прочимъ по той причинѣ, что русское населеніе въ суздальской области было не болѣе, какъ славянскою семьею въ инородческой странѣ—и естественно семьею господствующею, надъ которою возвысился, благодаря тѣмъ же благопріятнымъ условіямъ, т. е. малочисленности славянской семьи и превосходству ея въ нравственномъ отношеніи надъ финскими племенами, одинъ диктаторъ, суздальскій князь. Но въ Смоленскѣ понятіе свободы, всегда присущее славянскому племени и ярко обозначившееся въ вѣчевой жизни, которая пустила глубокіе корни въ народъ уже потому, что была древнѣе княжеской власти, естественно отчуждало всякое обнаруженіе властительскихъ притязаній, имѣвшихъ цѣлію сосредоточеніе власти въ одномъ лицѣ князя въ ущербъ народнымъ вольностямъ. Къ тому же служило и отсутствіе враждебнаго давленія отвнѣ; такое давленіе обнаружилось со стороны Литвы уже очень поздно, къ концу разсматриваемаго періода (особенно въ 13 вѣкѣ). Правда, что у Смоленска также происходила борьба съ другими княжествами, съ полоцкимъ княжествомъ, съ суздальскими и черниговскими князьями и т. д.; бывали нападенія на смоленскія волости: значитъ, было нѣкоторое давленіе на Смоленскъ отвнѣ, которое могло производить въ немъ централизацію, стремленіе къ сосредоточенію, къ усиленію княжеской власти. Но вникнемъ глубже въ дѣло: что было побужденіемъ къ этой борьбѣ? За немногими исключеніями;—княжескіе раздоры, притязанія князей на волости;

это — принципъ добыванія волостей, имѣвшій мѣсто въ междукняжескихъ отношеніяхъ. Итакъ это не были народныя войны, а усобицы княжескія; здѣсь защищались не интересы народа, а честь князей; народъ, значитъ, оставался въ сторонѣ отъ этой борьбы. Онъ могъ стать за своего князя и идти за него войною; но могъ и не принимать участія въ усобицахъ, что дѣйствительно и бывало не разъ. Значитъ, въ этомъ случаѣ не народъ опирался на своего князя и ждалъ отъ него защиты и помощи, а въ большей части случаевъ князь опирался на народъ и нуждался въ содѣйствіи его для собственной безопасности и силы. Въ послѣдствіи, въ борьбу князей между собою вмѣшались цѣлыя области, стала обнаруживаться племенная рознь между различными частями Руси; населеніе смоленскаго княжества, подобно другимъ, принимало участіе во всѣхъ войнахъ своихъ князей. Но въ сущности принципъ княжеской власти отъ этого мало измѣнился; земщина оставалась также самостоятельною и имѣла даже свои полки, отдѣльно отъ княжеской дружины. И опять здѣсь важно то обстоятельство, что давленіе происходить отъ своихъ же людей, а не отъ иноземцевъ, борьба велась внутри страны и между русскимъ населеніемъ.

Итакъ мы видимъ, что ни топографическія, ни этнографическія условія не благопріятствовали усиленію власти смоленскихъ князей и подавленію этою властію народной свободы, какъ прежде видѣли, что тѣже вліянія помѣшали смоленскому княжеству пріобрѣсть первенствующее положеніе въ системѣ русскихъ княжествъ. Ни въ томъ, ни въ другомъ пунктѣ Смоленскъ не заявилъ притязаній на значеніе въ русской исторіи, въ исторіи образованія русскаго государства.

Но Смоленскъ и не могъ выдѣлиться изъ государственнаго единства и стать особнякомъ, совершенно отдѣльною областію. Если условіемъ обособленія надобно считать нѣкоторую естественную замкнутость, отдѣльность княжества или государственнаго округа посредствомъ нѣкоторыхъ естественныхъ границъ, наприм. для округовъ на пространствѣ древней Россіи особенное положеніе рѣчной системы (не говоримъ объ этнографическихъ элементахъ, которые у смоленскихъ Кривичей могли быть отличные отъ другихъ; но и въ этомъ пунктѣ они ближе при-

никали къ общей жизни народа, потому что кривское племя было самое многочисленное и имѣло нѣсколько развѣтвленій, связь между которыми долженствовала быть крѣпче, чѣмъ между отдѣльными племенами [1]), то для Смоленска, какъ мы видѣли, это было совершенно не возможно; водные пути притягивали его ко всѣмъ округамъ государства, и оторваться и стать отдѣльно отъ государства онъ не могъ. Смоленскъ тѣснѣе, непосредственнѣе жилъ общею русскою жизнію, чѣмъ какое нибудь другое русское княжество, долженъ былъ принимать и принималъ живѣйшее участіе въ дѣлахъ всей Россіи; по этому же и во внутреннемъ своемъ устройствѣ онъ не могъ разниться съ общимъустройствомъ племенъ на пространствѣ Россіи.

Итакъ Смоленское княжество открыто было для всесторонняго доступа. Смоленскіе князья должны были раздроблять и разтягивать свои силы по разнымъ направленіямъ, должны были бороться съ полоцкими князьями, которымъ лежалъ путь въ смоленскія владѣнія по западной Двинѣ, и держать Новгородъ въ зависимости отъ южныхъ князей, оберегать себя отъ властолюбивыхъ притязаній суздальскихъ владѣтелей и принимать участіе въ распряхъ ихъ съ южными князьями. Въ немъ не было мѣста сосредоточенію силъ, дружному дѣйствію ихъ въ одномъ какомъ нибудь направленіи, во имя одного какого нибудь политическаго принципа; но понятно, что при раздробленности и колебательномъ дѣйствіи силъ Смоленскъ не могъ достигнуть прочнаго положенія въ политической системѣ государства. Въ чемъ же обозначилась роль Смоленска въ исторіи государства Русскаго?

Намъ кажется, что значеніе Смоленска въ политической

---

1) Дѣйствительно признаки племенной розни смоленскихъ кривичей обнаружились въ исторіи въ немногихъ только случаяхъ, наприм. въ разграбленіи Кіева Андреемъ Боголюбскимъ, въ которомъ участвовали и Смолняне,—въ войнѣ Новгородцевъ и Смолнянъ съ Ярославомъ суздальскимъ, особенно въ намѣреніи ихъ сжечь Владиміръ. Воскресенскій лѣтописецъ приводитъ слѣдующій любопытный отзывъ Полочанъ о Смолнянахъ": не можемъ стати, говорятъ они, противу Новгородцомъ и Смолняномъ, и аще пустимъ ихъ въ свою землю, то миръ хотя съ ними будетъ, а зла много створя намъ и землю нашу пусту сотворятъ; но идемъ къ нимъ на рубежъ.—Воскр. л. 1186 г.

исторіи Россіи выступаетъ именно въ томъ пунктѣ, гдѣ яснѣе всего обнаруживается слабость и несостоятельность отдѣльнаго политическаго существованія смоленскаго княжества; именно это значеніе можно опредѣлить служеніемъ общему дѣлу государственности русской, но не въ смыслѣ споспѣшествованія государственной централизаціи, за которою болѣе или менѣе слѣдуетъ подавленіе народной свободы и автономіи отдѣльныхъ округовъ, а въ болѣе обширномъ смыслѣ, въ значеніи принадлежности всѣхъ округовъ къ одному политическому цѣлому, которое есть Русская земля. Смоленскъ служилъ какъ бы переходною ступенью отъ совершенной особности отдѣльныхъ областей къ совершенному слiянiю ихъ въ понятiи или въ идеѣ русскаго государства, какъ одинъ Русскій народъ, одна русская земля: Это очень полно выразилось въ дѣятельности обоихъ Мстиславовъ; но признаки этого можно примѣчать въ образѣ дѣйствій другихъ смоленскихъ князей, какъ мы указали ихъ въ лицѣ Ростислава Мстиславича. Подобно тому, какъ рѣки тянули Смоленскъ ко всей Руси, такъ смоленскіе князья сознательно или несознательно способствовали поддержанію связей между различными частями Руси.

Таково было, по нашему мнѣнію, значеніе Смоленска внутри Россіи; но близость его къ западной окраинѣ государства навязала ему другую задачу, по отношенію къ тамошнимъ инородцамъ, съ которыми Смоленскъ сообщался сначала чрезъ посредство полоцкихъ владѣній, пока тѣ не придвинулись къ самымъ границамъ смоленскаго княжества. И такъ мы представимъ здѣсь общую характеристику отношеній Смоленска къ западнымъ сосѣдямъ и по преимуществу къ полоцкому княжеству.

Съ землею полоцкихъ Кривичей или съ областію Западной Двины Смоленскъ имѣлъ постоянныя и самыя дѣятельныя сношенія въ продолженіи всей древней исторіи. Верхнее теченіе Западной Двины, соединяющей полоцкую область съ Балтійскимъ моремъ, не принадлежало къ владѣніямъ полочанъ; но такъ какъ послѣдніе естественно стремились къ обладанію всею Западно-Двинскою системою, то это и послужило поводомъ ко враждебнымъ столкновеніямъ полоцкихъ князей съ смоленскими. Послѣдніе уже по той причинѣ не могли отказаться отъ исто-

ковъ Двины, что верхнее теченіе ея было продолженіемъ великаго воднаго пути изъ Варягъ въ Греки; значитъ, уступая Двину во владѣніе полоцкихъ князей, враждебныхъ Ярославичамъ Русскимъ, Смоленскъ чрезъ это самое устранялъ бы себя отъ непосредственнаго участія въ сѣверно-русской торговлѣ, отъ котораго онъ не могъ отказаться, не рискуя экономическимъ упадкомъ своего края. Но владѣя верховьями Двины, Смоленскъ также естественно стремился къ расширенію своихъ владѣній внизъ по теченію этой рѣки, которая имѣла ту несомнѣнную выгоду, что непосредственно соединяла Смоленскъ съ Балтійскимъ моремъ и слѣдов. съ западною Европою. По этому пути столкновенія уже должны были происходить не съ одними Полочанами, но и съ Латышскими и Финскими племенами, прилегавшими къ среднему и нижнему теченію Западной Двины. По всему видно, что этотъ путь къ берегамъ Балтійскаго моря для соединенія съ Западною Европою и особенно въ югозападномъ направленіи отъ смоленскаго княжества не былъ безъизвѣстенъ смоленскимъ Кривичамъ съ очень давняго времени, что они еще въ доисторическій періодъ начали движеніе на западъ чрезъ земли Литовцевъ, и что это движеніе, соединенное съ колонизаціею и, вѣроятно, съ торговлею въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда только достигало ихъ вліяніе, совершалось вмѣстѣ и Полочанами и Кривичами. Но съ того времени, какъ образовалось отдѣльное полоцкое княжество, которое стало во враждебныя отношенія къ всему роду Ярославичей Русскихъ, непосредственныя отношенія Смоленска къ западнымъ инородцамъ прекратились. Такимъ образомъ задача борьбы съ иногородческимъ элементомъ пала на одно полоцкое княжество. Естественно ожидать, что результатъ его обособленнаго вліянія на инородцевъ будетъ слабѣе, чѣмъ результатъ совокупной дѣятельности всѣхъ Кривичей, жившихъ въ полоцкихъ и смоленскихъ владѣніяхъ. Но полоцкое княжество, отдѣлившись отъ остальной Руси и чрезъ это самое ослабивши свои силы для борьбы съ инородческимъ элементомъ, съ самаго начала, какъ мы сказали, приняло фальшивую политику: вмѣсто того, чтобы дѣйствовать за одно съ сосѣдними славянскими областями, оно становится во враждебное къ нимъ отношеніе, и вмѣсто сосредоточенія своихъ силъ на подчиненіе инородцевъ, раздробляетъ и тратитъ эти силы на безплодную и па-

губную борьбу съ русскими княжествами. Въ этомъ случаѣ уже не русскія силы содѣйствуютъ Русскимъ къ подчиненію инородческаго элемента, но иноземная сила Литовская въ союзѣ съ полоцкими князьями дѣйствуетъ противъ соплеменниковъ ихъ, князей остальной Руси противъ русской земли. Слѣдствія этого не замедлили обнаружиться. Когда во второй половинѣ XII вѣка отъ устьевъ Двины начинается движеніе нѣмецкаго племени; то полоцкіе князья, запутанные въ собственные споры, слабые и раздробленные, не въ силахъ были воспрепятствовать наплыву нѣмцевъ и латынскихъ пропагандистовъ въ русскія владѣнія. Нѣмцы сначала отрываютъ отъ полоцкихъ владѣній устье Двины, а потомъ овладѣваютъ и всею Лифляндіею, которая была въ зависимости отъ великихъ князей полоцкихъ и платила имъ дань.

Но въ то время, когда Полоцкъ, угрожаемый съ одной стороны Нѣмцами, а съ другой Литвою, имъ же самимъ выдвинутою, приближался къ своему національному и политическому паденію, исторія передаетъ задачу его другимъ русскимъ областямъ и между ними-ближайшему сосѣду, смоленскому княжеству. Такимъ образомъ Смоленскъ, къ концу разсматриваемаго періода, становится на стражѣ русскихъ интересовъ противъ наплыва западныхъ иноплеменниковъ и вступаетъ въ борьбу съ ними. Такъ какъ при этомъ онъ никогда не разрывалъ своихъ связей съ остальною Русью, то естественно надобно бы ожидать, что это дѣло, т. е. обрусѣніе западной окраины Россіи, пойдетъ успѣшнѣе, чѣмъ оно шло въ рукахъ полоцкихъ князей.

Но Смоленскъ вступаетъ въ борьбу съ западными иноплеменниками уже при обстоятельствахъ менѣе благопріятныхъ, чѣмъ какія были для Полоцка. Правда, что вліяніе славянскаго населенія въ странѣ латышскихъ и финскихъ племенъ въ теченіи не одного столѣтія принесло свои плоды, такъ что край этотъ въ XIII вѣкѣ былъ близокъ къ совершенному обрусѣнію, къ полному слiянію инородческаго элемента съ коренною славяно-русскою національностію; но, какъ мы сказали, Литва къ этому времени успѣла выдвинуться изъ среды собственно русскаго населенія въ краѣ, усилиться на счетъ полоцкихъ владѣній и начать наступательное движеніе на востокъ, на собственно русскія земли. Значитъ, для борьбы съ нею потребовались новыя, зна-

чительнѣйшія силы, чѣмъ прежде. Но этого мало: съ запада, отъ устья Двины, на встрѣчу движенію славяно-русскаго племени началось новое движеніе, также враждебное Русскимъ, движеніе латино-германскаго племени; такимъ образомъ дѣла въ этомъ краѣ усложнились еще болѣе. Двинская система теперь подѣлена была между тремя владѣтелями: смоленскими князьями, которымъ принадлежало верховье Двины, литовско-полоцкими князьями, по среднему теченію ея и нѣмецкими владѣтелями, захватившими устье рѣки. Борьба между этими разнородными элементами въ краѣ была неизбѣжна. Но Смоленску предстояло сначала подчинить себѣ полоцкихъ владѣтелей, чтобы вмѣстѣ съ ними успѣшнѣе дѣйствовать на Литву и Нѣмцевъ. Онъ достигъ послѣдняго, какъ мы видѣли: въ 1229 г. полоцкій и витебскій князья являются подручными смоленскому князю.

Но исторія не судила Смоленску довести до конца борьбу русскаго вліянія на западныхъ границахъ государства съ иноземнымъ: Русская земля въ это время внутри себя представляла исторію смутъ и борьбы между двумя половинами ея сѣверовосточною и югозападною за принципъ самодержавной власти, такъ что Смоленскъ долженъ былъ разомъ участвовать и въ войнахъ русскихъ князей однихъ съ другими, и отбиваться отъ западнаго иноземнаго давленія, къ которому наконецъ присоединилось новое сильнѣйшее давленіе со стороны Татаръ, и заслонило собою всякіе другіе политическіе и національные интересы. Такимъ образомъ и Смоленскъ въ концѣ концевъ не успѣлъ совершить того, что требовалось для пользы русской исторіи по отношенію къ западнымъ окраинамъ Россіи; но историческая заслуга его въ борьбѣ съ западными иноземцами едва ли можетъ быть заподозрѣваема. Извѣстно также, что только неблагопріятныя историческія условія, на которыя мы указали, воспрепятствовали тогда же исполниться тому, что совершила Россія, спустя пять вѣковъ, овладѣвши берегами Балтійскаго моря и всѣмъ теченіемъ Двины: значитъ, задача была только отсрочена, замедлилось осуществленіе ея, но не потеряла своего значенія для исторіи русской.
